

ЛЮБОВЬ ШАПИРО

Я люблю дышать
и только

Любовь Шапиро

Я люблю дышать и только

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42886683

Я люблю дышать и только: Accent Graphics Communications; Montreal;

2014

Аннотация

Банкетный зал Центрального Телевидения. Проходит торжественный вечер в честь ведущей лучшей программы, уникальной по форме и содержанию.

Только что «Легенда звезды» получила «ТЕФФИ» и была признана самой интересной на всем европейском телевизионном пространстве. Полная эйфория присутствующих в зале. Радость и экзальтация столь высоки, что гости, не скоро заметили, что виновница торжества мертва.

Суматоха, вызов Скорой помощи, милиции, охраны. Но, когда появляется следователь, выясняется, что в оцепленном зале – трупа нет. Мистика. Детектив опрашивает всех, кто присутствовал на банкете и тех, кто находился на телевидении. Результатов никаких.

История мистическая, полна авантюрных событий. Словно мы смотрим программу «Легенда Звезды» – столь же загадочную, полную удивительных перевоплощений актрисы Алисы Дашковой, созданной ею самой или ее сестрой...?

В романе много авантюры, мистики, приключений.

Содержание

Если бы я тебя так не любила, то стала бы монстром	8
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Любовь Шапиро

Я люблю дышать и только

Любовь Шапиро начала писать книги только в сорок четыре года. Родилась в Москве в проезде Художественного театра (Камергерский переулок). Видимо, это определило её судьбу.

Л.Шапиро – Художественный руководитель театра – кабаре «Летучая мышь» им. Гр. Гурвича. Преподавала в РАТИ, работала на телевидение – была сценаристом ряда цикловых программ, посвященных жанрам кабаре и мюзикла. Одновременно начинает писать книги. Лучше всего зная театральный мир, автор пишет на театральные темы детективно – любовно – авантюрные романы: «Закулисные страсти», «Дневник романтической дурочки», «Жизнь – это кабаре», «Моя бабушка – Золушка» или «Жизнь злой девочки», «В сорок лет жизнь только начинается»

Читайте – это то, что нужно сейчас!

Если бы я тебя так не любила, то стала бы монстром

Интересно, проводила ли я время когда-нибудь в ночном, пустом «Максе». Да еще одна, – Кира оглянулась вокруг. – Нет ни одна. Вон, на стойке бара валяется Янка, изображает, что спит. Хотя, она может отключаться в любом месте и в любой позе.

Кира поискала глазами Марьяну.

– Неужели смылась? Нет, менты бы не дали. Да, она прячется под своей уникальной шубкой, в самом темном месте кафе.

«Останкино» – это не место работы. Это – земля, которую мы осваивали много лет и почти одолели, вспахали. И надо же – теперь «Она» лежит наверху, а мы все подозреваемые.

– А кто она? Даже этого мы не знаем.

Завтра эфир – нет уже сегодня. Ничего не готово. Начальству же будет абсолютно всё равно. Умер кто-то или притворяется. Программа должна выйти «в том же месте, в тот же час».

Жаль, что мы почти не общаемся между собой последние несколько лет. Страшно ужасно, а поговорить не можем, или не хотим. Никто первый не пойдёт на контакт.

– Девушки – красавицы, кто пойдет опознавать тело? –

Следователь стоял у стойки, как раз там, где в изящной позе были скрещены Янины ножки.

– Её с детства знала только Кира. Все родинки, порезы появлялись на её глазах. Она пусть идет, – зевая, пролепетала Яна.

Я и не сомневалась, что пошлют меня. Странно, мне было даже самой интересно, узнаю ли я ту, которая «ждет» в банкетном зале.

– Пошли, капитан.

– Не так резво. Сначала необходимо найти понятых. В здании кто-нибудь есть?

Мы все громко засмеялись. Янка встала со своего лежбища, а Марьяна выглянула из-под мехов.

– На этой земле обетованной всегда есть жители. – Яна прыгнула с барной стойки и крикнула: – «Люди, отзовитесь»

Из разных дверей, включая туалет, появились не выпавшие помятые лица работников ночного эфира.

– Что надо? Чего ты орёшь? Ночь же на дворе, – неласково обратился к Яне, оператор новостийной программы Костя.

– Будете понятым, – строго приказал следователь.

– Кем я буду? Понятым. Господи, кем я в этой жизни только не был. Зайчиком, подставкой под камеру, белым листом, на который ставят свет, но понятым... Что случилось? – Опомнился Костик.

– Вам, разве неизвестно, что в здании произошло, то ли

убийство, то ли самоубийство. Погибла известная ведущая или...

– ...или не погибла? – Костя пытался проснуться и поэтому бодрился незатейливыми шутками.

Следователь посмотрел на него безумным взглядом.

– Вы, что не понимаете, о чем я говорю? Всё, пошли, балагур. Второй – пойдёте вы, – обратился смущенный капитан к шубке Марьяны. Времени нет на поиски.

Марьяшка неохотно встала, нацепила мантию и словно пава вышла из-за столика, на котором стояло штук шесть пустых бокалов от коктейля «Махито» и столько же чашек кофе.

– Волнуешься? – Спросила злобненько Яна.

– Да, – искренне ответила, почти бывшая подруга. – Ты нет?

– У меня причин нет. Я тогда была отлучена от вашей забойной компашки. Думаю, Кире хуже всех, – тихо, так, чтобы я не услышала, пролепетала Яна.

– Зря шепчетесь. Здесь и акустика хорошая, и слух у меня идеальный, – огрызнулась я.

– Тебя твой абсолютный слух и внимательность и подвели. Собственно, они всегда тебе мешали. Марьяна, не оглядываясь на приятельницу, тронула уже совсем обалдевшего от такой неадекватной реакции, следователя. – Пошли гусар...

Лифты ночью, естественно, не включались. Мы поплелись на седьмой, начальнический этаж, пешком.

– Как же я могу быть понятой, если я хорошо знала по-

терпевшую, апеллировала остатками юридического образования Марьяна, задыхаясь в шубке до полу, но мужественно не снимала ее.

Сзади засмеялся Костик.

– Машка, хочешь, понесу твою шиншиллу, а то ты сдохнешь по дороге и у нас будет два трупа.

– У вас, что-нибудь святое есть? Разозлился выдавший виды, следовательно.

– Конечно. Ответили мы втроем. Эфир.

– Если он сорвется, то трупов и раненных станет много больше. И тогда весь народ узнает то, что мы пока тщательно скрываем. Правильно, капитан? – сказала я, пристально глядя замученному мужику в глаза.

– А он ничего – приятный, мужественный... – Марьяна внимательно и бесцеремонно разглядывала стража порядка.

– Но манто он не подарит, – я пощупала мех и даже цокнула языком от удовольствия.

Я понимала, что все наше нахальное и «бодрое» поведение лишь результат безумного страха. Мы так, в нашем «Останкино» привыкли выражать скорбь и боязнь. Я отключилась от дальнейшей болтовни моих знакомых и стала думать, как я буду реагировать там, в банкетном зале. Если я ее не узнаю? Как я могу ее не признать? Мы же знакомы всю жизнь. Но, какой-то странный секрет сокрыт за дверьми самого большого зала «Останкино».

Мы добрались до основного лестничного прохода седьмо-

го этажа. Теперь еще столько же вдоль самого этажа, но хоть по прямой.

– Она сильно изуродована? – Тихо и со страхом поинтересовалась я у следователя.

– В том-то и дело, что она совсем не покалечена. Первый человек, который ее увидел, почему-то сказал, что это не ОНА. – Что все это значит? – Как вы думаете?

– Я не знаю. Ответила я спутнику. На самом деле, я почти была уверена, что знаю причину её девственного вида.

Шли мы долго, словно боялись торопиться к печальной церемонии. У меня зародились интуитивные сомнения, что нам и вовсе торопиться некуда. Делиться я ими не стала.

Тёмное «Останкино» неприветливо как морг, – подумала я. Хорошо, что обычно некогда обращать на нюансы внимания.

– У вас тут не так уж уютно, в некоторых моргах и то светлее и спокойнее, – повторил мою мысль следователь.

– Оттуда выходит мало новостей, – попыталась пошутить я.

– Ошибаетесь, – капитан скривил улыбку и покачал головой. Там так иногда интересно, как с живыми быть не может. Вот, где открывается смысл жизни, – продолжал философствовать Филипп Сергеевич, так звали нашего нового знакомого.

Я с интересом посмотрела на него и подумала, что, пожалуй, Марьянка угадала, он не только внешне, но и внутренне

необычен. Или я плохо знаю следователей прокуратуры. Да, я совсем их не знаю.

Я очень боялась, что из зала будет пахнуть трупным запахом. Оттуда же пахло, как всегда, вкусной едой, хорошими сигаретами и духами гостей VIP.

Филипп Сергеевич тихонько приоткрыл дверь, будто собирался спросить: – «можно ли войти». Дверь скрипнула и сама пошла на нас. Ветер дул из правого крайнего окна. Банкетный зал был один из немногих помещений, где окна в «Останкино» открывались.

Тихий скрип двери и шуршание жалюзи на окне в полной темноте зала, где только в одном углу, плохо различались фигуры копошащихся экспертов и очерченное пространство, где должно лежать тело погибшей.

Мы слышали тревожный шепот группы, приехавшей из милиции и прокуратуры.

– Мне перестает нравиться эта телевизионная программа, – Марьяна наклонилась ко мне. Ты тело то видишь? Я боюсь подходить.

– Ты же у нас столько лет занималась криминальной хроникой, – напомнила я подруге. Ты уж насмотрелась.

– Если ты помнишь, то я никогда не выезжала на место событий. Я только комментировала в студии. Честно тебе скажу, старалась не засматриваться на жмуриков.

– Дамы и вы молодой человек, – задумчиво и грустно позвал нас следователь. – Мы не можем предъявить вам для

опознания тело погибшей женщины. Его нет...

– Я побежал за камерой к ребятам на шестой, – Костик крикнул уже в дверях.

– Вы куда направились? – Остановил его какой-то милицкий чин. Если я правильно различила в полутёмном зале – немаленький.

– Такой материал упускать нельзя. Даже, если он не пойдёт сегодня в эфир. Архивники нам не простят, – Костя на половину уже был за дверью и занес вторую ногу, чтобы рвануть на шестой...

– Стоять, – громко приказал оперативник. Никто отсюда не выходит и не входит сюда. Будем разбираться.

– Каким же образом? – Ядовито поинтересовалась Яна. У нас даже объекта нет.

– Вот именно, – уже не так громогласно ответил милиционер.

Филипп Сергеевич прислонился к стене и молча, наблюдал за нами – людишками, за нашими реакциями.

– Что интересно, как мы будем выкручиваться? Вы впервые имеете дело с телевизионщиками? – Я предложила ему сигарету и термос с кофе, который жил у меня в сумке всегда.

– Не хочу. Пока не стоит ничего менять в атмосфере, – он сощурил глаза и сосредоточил взгляд на месте, где предпологаемо должно было лежать тело. Кира, как вы думаете, как может исчезнуть, он замялся, неодушевленный предмет,

так, чтобы никто не заметил, что его уносят, тащат. Он же тяжелый. И кому это нужно? Не похоже на шутку, – следовательно пристально посмотрел на меня.

– Вы хотите, чтобы я выполнила вашу работу? У меня не получится. В отличие от Марьяны, я никогда даже не вела криминальную хронику.

– Меня интересует ваша интуиция и те сведения, которые вы изо всех сил скрываете, но сказать хотите. Вас что-то гложет. Может, чувство вины бушует? – Филипп Сергеевич взял меня под руку и увел из зала. – Нам там пока больше делать нечего.

– Осматривать следы, – я всячески оттягивала разговор, который я, чувствовала, неминуемо состоится. Самое противное и главное, я сама его хотела начать.

Из зала, как ошпаренные выскочили Яна и Марьяна, уже не сильно заботившаяся о сохранности шубки, которая волокла за ней.

– Вы куда это? – Гневно вопрошала Марьяна. На допрос?

– На расстрел, – в пандан её, как всегда к месту заданному вопросу, ответила я.

– А меня? – Засмеялась Яна. Я тоже очень многое могу сообщить компетентным органам. Нет, правда, не сидеть же нам здесь у «разбитого корыта». Извините, за дурацкое сравнение.

– Вы пока свободны. Даже можете опять залечь на буфетную стойку и подремать. Если вы понадобится, вас вызовут,

и вы в яркой телевизионной форме изложите свои уникальные знания.

– Я же говорила, что в нем что-то есть. Кирка, тебе повезло. – Марьяна произнесла слова и тут же прикусила губу.

– Я недавно похоронила мужа, – пояснила я Машкину «шутку».

– Мы идем пить кофе, – сурово ответил следователь.

– Что, разве «Макс» уже открыли? – Приоткрыв сонные и томные, как всегда поражающие своей чернотой, глаза, спросила Марьяшка.

– У нас, с собой, было, – среагировала я быстро и зло. Свой носить надо, попрошайка. Я показала язык и, взяв Филиппа Сергеевича за пиджак, увела от девчонок.

– Куда же вас вести? В аппаратную? Там человек непривычный долго не выдерживает, – я раздумывала, есть вообще, на нашей Останкинской земле место, где можно дышать и не потерять при этом голос, потенцию, мысли и уж тем более сердце. Не нашла.

– Не печальтесь, – старомодно успокоил меня следователь. Мы пойдем к Останкинскому пруду. Там уж точно надышимся.

– Нам выходить можно? – Я засмеялась. – Я забыла, что я под бдительным оком закона.

Шли мы, молча, прислушиваясь к скрипучему блестящему снегу.

Я размышляла о том, чтобы не дай Бог, меня не выперли за прогул. Хотя, наверное, такая прогулка считается помощью следствию.

Чем же я в состоянии ему помочь? Не рассказывать же, в самом деле, всю нашу длинную жизнь с радостями, ссорами, ненавистью, тайной, которую мы храним уже десять лет и поэтому то, любим, друг друга и жмемся то к одной подруге, то к другой, то пылаем ненавистью из-за трусости и, в общем, предательства человека, который нас всех сделал.

– Вы хотите мне поведать что-либо конкретное, что способно привести меня на правильные размышления по поиску исчезнувшего человека. – Филипп Сергеевич с пытливым любопытством заглянул мне в лицо, даже подлез под него. – Я даже не могу назвать тело мертвым. Я его не видел. Когда группа следственная приехала, то сразу внизу милиция начала нас посвящать в то, что там наверху ТАКОЕ. Там лежит ОНА – любимица всех. Я побежал в «Макс», чтобы убить двух зайцев, захватить понятых и тех, кто ее хорошо знал.

– Вы знаете, мне легче все написать, чем рассказывать. Иначе мы проговорим всю жизнь, – я представила все наши девичьи подробности и реакцию взрослого, даже не очень

молодого мужчины, на нашу неправильную и порой, грешную судьбу.

– Пишите, – Филипп Сергеевич меня быстро понял. – Погулять все равно приятно. Вы возвращаетесь в «Останкино»?

– Надеюсь, что меня еще не выгнали, – я повернула в сторону своей земли Обетованной. Ноги понеслись быстрее. Многолетнюю привычку не вытравишь. За мной, несколько запыхавшись жестким шагом, размахивал руками, загребая ветер, семимильными шагами шел следователь. Ему тоже необходимо было вернуться к отсутствующему телу.

– Я напишу, – уже влетая в здание и вытаскивая пропуск, кричала я.

Он кивнул и махнул рукой, в знак того, что с нетерпением ждёт.

* * *

Я прибежала в студию, в которой, на удивление «конь не валялся».

– В чём дело, – закричала я, вертя головой, чтобы крик долетал до всех служб. – От всех работников я услышала хоровое недовольство по поводу того, что меня Шеф – редактора на площадке нет. Наш же ведущий любит получать информацию из первых рук, то есть, из моих. До начала тракта – репетиционного эфира, оставалось десять минут. Я не

дослушав фыркanye, понеслась в гримерку к ведущему. Алёша – чудный парень, очень внимательный и послушный, что большая редкость у телезвёзд. Возможно, потому что молодой, а я намного старше и знаний по тем вопросам, на которые он должен беседовать у него не хватает, он меня слушает.

– Я рад приветствовать вас, сударыня, в столь поздний час, – как всегда с лёгкой, необходимой иронией приветствовал меня Леша.

– Ты извини, у нас ЧП. – Я не хотела распространяться на тему, тем более предмет исчез.

– Разве это ЧП? – По-моему – обвал в горах. Самая рейтинговая программа слетела, сразу после получения «ТЕФФИ». Что будет? – Лёше хотелось поговорить на насущную тему.

– Ты не забыл, что темой нашего сегодняшнего неповторимого Ток-шоу «Отношение людей к братьям их меньшим».

– С такими темами мы никогда не получим «ТЕФФИ», – печально заключил ведущий.

– И уж тем, более не станем академиками премии ТЕФФИ. Каждому свое. Ну, всё. Поехали по сценарию и гостям. Тебя что-то не устраивает?

– Животные в студии. Я боюсь больших бойцовских собак.

– К тебе подведут только маленьких, которые даже ла-

ять не умеют, – я с нежностью посмотрела на Лёшу. Если бы у меня был сын, я бы не возражала против такого. Раз всё остальное тебя устраивает, я побежала. Не забудь надеть специальный костюм, для того, чтобы животные могли тебя немного порвать. – Лёша посмотрел на меня с ужасом, я показала ему язык и успокоила, – шучу.

На душе стало чуть легче. Я поняла, что программа пройдёт нормально. Легко и непринуждённо. Так всегда должно быть на дневном телешоу. Я уверенной походкой шла в аппаратную. Такая целенаправленная поступь на высоких, чуть цокающих каблучках, у меня появилась после смерти мужа. При нем, я ходила как мышь, нет, я плыла за ним, как за ледоколом, который всегда шёл правильным курсом и не тонул. Он просто сразу ушёл на дно – умер...

– Что у тебя с лицом? – Из-за угла появилась Марьяна, уже готовая к утреннему эфиру. Всё так плохо? Нас будут еще допрашивать?

– ... и пытаться. Перестань трусить. Кстати, не желаешь написать свою версию событий, начиная от Рождества Христова.

– Что надо? Я могу, только пусть и Янка пишет. Потом сверим.

– У нас всё равно получаться разные истории. Я собираюсь писать правду, – я пристально посмотрела на заклятую подругу. – А ты будешь приукрашивать себя. Яна наверняка сгустит краски до того, что мы получим рассказ Эдгара По.

– Ладно. Давайте вечером встретимся, только не в «Максе». Видеть его уже не могу. Приставать начнут с вопросами. После эфира договоримся. Янке я сейчас перезвоню. Где она может быть?

– Звонит своим гостям, как всегда. Так что лучше найди её, – я посмотрела на Марьяшку и, мне захотелось её прижать к себе. Она всегда была бояка. Сейчас, даже под толстым и умелым слоем грима морщинки скукожились, а на экране этого не должно было быть видно, – я поцеловала её в промежуток между ухом и щекой, где не было грима.

– Звони. Уже опаздываю, как, впрочем, и ты.

Марьяшка сделала гримаску, означавшую улыбку и хлопала себя по щекам, чтобы не рассмеяться и придать щечкам естественный оттенок.

Мы разошлись по разным студиям, обещая после записи встретиться все-таки в «Максе» и попытаться оттащить Яну от ее VIP персон. При этом придется ухитриться отобрать у нее все десять мобильных телефонов. Иначе разговор не получится.

Я вела программу, всё время, шепча Лёше в ухо необходимую или подходящую информацию.

– Что с тобой сегодня? – Возмущенно спросил режиссёр программы Борис, который сидел за пультом рядом, нажимая вовремя на кнопки, чтобы камеры правильно показывали картинку. – Ты работать будешь? Или так посидишь?

– Я работаю. Вот – листаю сценарий, хотя знаю его на-

изусть.

– Ты на лицо Лёшки посмотри. Он взмок от твоей творческой помощи. Может тебе плохо? Давай, остановим запись. Катя может пересесть с суфлера. Она тоже неплохо знает программу.

– Хватит меня лечить, – огрызнулась я. По сути, Борька был абсолютно прав. Я не держала ни темп, ни очередность выступлений на площадке. Я думала о Ней и о нас.

– Так что? Стоп? – Режиссёр уже наклонился к микрофону, по которому сообщал информацию для всей группы.

– Нет, – я поближе пододвинулась к столу. Я закончу этот шедевр. Потом сама и смонтирую. После сделаем большой перерыв. Всё равно идем с опережением. Я приду в себя. Извинюсь перед Лёшей и группой. И мы полети к звёздам дальше, – пошутила я.

– Знаешь, за что тебя обожаю, – Боря чмокнул меня в наушник, – за то, что ты никогда не сдаешься. Поехали, Зоя Космодемьянская.

Он даже не мог представить себе, что паника, которая бегает у меня по желудку не может остановиться сама. Ее нужно выплеснуть, но «вместе с ребенком». Я не знаю, возможно, это. И без девчонок, я не решу сакраментальный и постыдный вопрос.

Когда же мы все так изменились?

Я продолжала автоматически регулировать запись программы. И судя по тому, что Борька одобрительно кивал, хо-

тя бы, внешне собралась.

– Всё! – Закончили первый выпуск. – Закричал режиссер в микрофон.

Видимо, я была так далека от присутствующих и происходящего, что подпрыгнула, икнула и ойкнула одновременно.

– Тебе, определенно нужен долгий перерыв. Ты куда пойдешь есть? – Не унимался внимательный товарищ.

– Я, мне нужно по делу выбежать. Раз уж ты благородно отпустил на целых сорок пять минут, то я успею провернуться, – я чмокнула Борюську в щёчку и, не дав ему ответить, усвистела из студии.

Навстречу мне бежал, красный как рак и потный, как тореадор после боя с быком, генеральный продюсер «Токшоу».

– Что происходит? Мы выходим из графика, а твой обожаемый Борис удлиняет перерыв.

– У него и спрашивай, – свалила я нагло всю ответственность за лишние двадцать минут, на режиссёра. Я опаздываю. Извини.

Я бежала, теряя туфли на ходу, в душе надеясь не потерять еще и каблук, к семнадцатому подъезду. Сегодня, Яна там должна была встречать именитых гостей. Обычно – процедура обхаживания начинается с центрального входа, но нынче их получалось многовато и все одновременно.

Зацепив всё же колготки за раритетную железяку, которая давно должна была храниться в музейных фондах телевиде-

ния, если такие есть, я допрыгала до охраны. Милые мальчишки милиционеры устало переминались с ноги на ногу, периодически опираясь на стойку. Увидев меня, они выпрямились и, улыбаясь, поинтересовались «Каким ветром меня занесло», так далеко от родных пенат?

– Вы Яну Вилькину не видели? – Я озиралась по сторонам, подпрыгивала, чтобы различить пышные, не по моде собранные в Бабету, волосы подруги.

– Она только что повела группу солидных товарищей в студию № 13, если не ошибаюсь, – мальчик-милиционер был рад услужить.

– Она ещё вернётся?

– Судя по спискам, которым нет конца, она будет регулярно навещаться с периодичностью минут в пятнадцать, – витиевато выплеснул свои глубокие познания другой дежурный, чином повыше и умом основательнее.

Я не понимала, что мне делать: – если сидеть здесь, то меня точно выгонят с работы из-за срыва записи, если бежать в студию, то мы можем разминуться с Яной, так как коридоров, которые ведут к 17 подъезду много. Тем не менее, пока, я не договорюсь с Яной о встрече, думать ни о чем не могу. В этот отчаянный момент мне пришла гениальная, на мой взгляд, идея. Я послала воздушный поцелуй «двоим из ларца» и забежала в соседний коридор, где писалась Марьяша. До конца её эфира оставалось ровно три минуты. Невзирая на гневные и угрожающие взгляды помощника режиссё-

ра, я на корточках добралась до стола, за которым эфирили Марьяша и один из её бывших мужей – замечательный ведущий с потрясающим сексуальным баритоном Олег. Человек он был скромный и своим очарованием не пользовался. Даже стеснялся.

Подползая к ноге Марьяны, я как раз, размышляла, почему они развелись. Мы с Марьянкой тогда не доверяли сокровенных тайн, а Олег, как истинный джентльмен и вовсе хранил скупое молчание.

Добравшись до ног ведущих, я чуть не закончила их вещание раньше на несколько минут и не уронила стол от гомерического хохота, который меня разобрал. Изящно и подобранно по цвету выбраны верхние части костюмов телезвезд утреннего эфира. Под столом была настоящая клетка для обезьян. Помимо странных огромных сапог Олега, который, я вспомнила, был заядлый рыболов подледного лова, он еще баловался сладостями. Почему им не поставили мусорки, не ясно. Олег кидал под стол. Вкусы его были разнообразные. Ту неделю, что они дежурили на эфире по утрам, каждый день появлялась новая сладость, которую ведущий еще не апробировал. Если она ему приходилась по вкусу, то всю неделю на всех столах студии, гримерки и редакторской лежали новые конфетки. Олег не был жадным и неэгоистично угощал всех.

Марьяна под столом выглядела не менее экзотично, она была во вьетнамских тапочках. Только что в перерыве, веду-

шая сделала педикюр.

– Маня, давай быстрее сворачивайся и бегом на семнадцатый подъезд, ждать Яну.

– Ты сошла я ума. Я с голыми ногами помчусь через все «Останкино». Кстати, ты, кажется, смазала мне лак на большом пальце, – Марьяна с неодобрением посмотрела на меня.

– Пойдешь, как миленькая, нет, побежишь, – разбушевалась я шепотом, сидя под столом. У нас, если ты помнишь, нет ни времени, ни шанса выпутаться из этой истории. Более того, как бы нам самим не оказаться потерянными трупами.

Слава Богу, Марьяна успела приветливо попрощаться со зрителями, потому что румяная холеная ведущая, стала серого цвета.

– Ты хочешь сказать, что нас, только потому, что мы... возьмут и убьют. В этой почти смешной истории нет ничего особенного. Это всего лишь...

– Ты чувствуешь, ты даже слов подобрать не можешь или боишься. Так что марш на семнадцатый. Возьми у Олега унты и вперед.

– А ты? – Запричитала Машка.

– Я побегу на работу. Мне еще четыре программы ваять.

* * *

Я удалялась под проклятья подруги, что я эгоистка и мне нет дела до ее страха.

Я уже не слышала Марьяшу, я сосредоточилась на новой теме программы. «Взрослые дети и их «воспитание» родителей.

У меня взрослая дочь и вопрос был крайне актуален для меня. Леше он тоже нравился. Он совсем недавно перешел из тинэйджеровского состояния и помнил, как его родители мучились с ним.

Я влетела в гримерку к ведущему, с текстом, полным ртом нужных афоризмов и умных мыслей – «Великих», на эту тему.

– Я все прочел, – Лёша потряс кипой бумажек и карточек, которые ему приготовили ассистенты. Можешь выдохнуть и попить кофе, – Лёша сделал чашку горячего напитка, и подал мне со словами: – У тебя что-то серьезное случилось?

– Мне кажется, что очень. Я не могу тебе ничего объяснить. Я пока немного понимаю.

– Тогда не надо. Захочешь? Я к твоим услугам, – Лёшка встал и стал менять костюм.

На каждую программу выдавался новая одежда. Программы шли в разные дни. И ведущий не должен выглядеть бедным родственником. Все же Центральное телевидение – эталон вкуса и гламурности.

– Ты успокоилась? – сочувственно спросил Боренька.

– Да, всё хорошо, давай начинать.

До конца записи, которая длилась пять часов, я не думала о тревожащей и опасной теме. Всё получилось, как нельзя

лучше. Адреналин, который с утра заполнил меня, отражался на всех окружающих, работающих на программе. Все вокруг меня немного вибрировали и даже несколько истерили. Передачи от этого получились только лучше.

На запись пришел генеральный продюсер, и удивлённо разводя руками, сказал:

– Вы записываете праздничные программы? Такой подъем бывает только на новогодних.

– Нет. Я приняла к сведению вашу критику после первой записи, – я широко улыбнулась начальнику и стала быстро ретироваться спиной к выходу.

– Марьяна, ты дозвонишься Яне? – Строго спросила я капризную приятельницу.

– Я её видела, – раздраженно ответила Машка. Она лишь отмахнулась и сказала, что когда освободиться, сама нас найдет. Ты слышала, что-нибудь подобное. Наглая какая.

– Слышала и не раз. Будем ждать. Марьяша, гребни к «Максу». Я там тебя подожду.

– Ну, да. Я буду, как собачка бегать за Янкой. Кира, зачем нам все вытаскивать на свет неприятное старое событие? Окажется, что мы все виноваты.

– Может и так. Маша, нам есть в чем разобраться и помимо стародавней истории. Мы всю жизнь то помогаем, то мешаем друг другу. У нас ведь ближе, чем мы сами, никого нет. Почему же мы не можем найти общий язык? – Я зывала к Марьяниному заснувшему еще много лет назад разуму

и охладевшему сердцу.

– Уговорила. Я иду в кафе.

Я пошла в студию, где обитала Яна, пася и охаживая знаменитых гостей. Сейчас, начнет орать, что мне нет дела ни до чего, кроме моей карьеры, а ее «творческий» подвиг мне безразличен, даже раздражает.

Вдоль длинных, с противным тусклым дневным светом коридоров, я продвигалась к Яне.

– Кирюш, привет. Ты не устала от нашей обители? Ласково, побеспокоилась знаменитая, экстравагантная, чумная, как ее звали в «Останкино», певица-ведущая, с которой мы дружили много лет.

– Нет. У меня сегодня избыток энергии, – улыбнулась в ответ я Лиле.

– Какие-то слухи ходят. Пропал труп? Серьезно? – Лилия наклонилась ко мне. Она, наверное, на метр длиннее меня, а уж на каблуках.

– Не слышала, – соврала я и покраснела. Мне хотелось поделиться с умной Лилей. У нее остроумное и неадекватное мышление. И все, что постоянно вижу на экране в ее программе, меня страшно коробит. Но, хорошее отношение и абсолютная уверенность, что Лилька дуркует и просто зарабатывает немалые деньги, примиряет меня с ней. К сожалению, такие претензии можно предъявить почти ко всем каналам. Но меня об этом никто не спрашивает.

– О чем задумалась? – Пристально всматривалась в мои

глаза Лиля.

– Обо всем. Бывает время, когда философские мысли пощипывают голову зрелой женщины.

– Не хочешь говорить, не говори. Все равно придешь, я знаю точно. Я же очень умная, – Лиля поцеловала меня в лобик.

– Я ещё жива, – засмеялась я.

– Пока мы почти все живы, – ведущая сделала, пирует на высоких каблуках и, подпрыгнув, удалилась в очередной темный коридор.

Дорога в единственное курящее место на земле телевизионного эфира было, как всегда забито до отказа. Я поискала глазами уголок около закрытого наглухо окна и нашла.

– Здесь занято, – неприятливо предупредила меня молодая борзая корреспондентка, небрежно бросая сумку на диванчик. Из открытого рта потертого стильного портфельчика полетели вещички любовно собранные хозяйкой для телевизионной карьеры.

– Пока вы соберете все добро с полу... Видите, многие детальки отвалились, я пока попью кофе, – мило уговаривала я недовольную девушку.

– Старшим у нас везде почет, – язвила девчонка, собирая содержимое баула.

– Вот именно. Кстати, не вы ли пробовались к нам на передачу редактором?

– Я, – гордо, вытянув голову из-под стола, как неоперив-

шийся цыплёнок, проговорила несчастная девочка. Вы передали через своих клеветников, что коробочка полна.

– За знание таких слов как «клеветы» вас стоило взять, – я опустилась на колени и помогла ей собрать оставшиеся побрякушки. – Зайдите ко мне на следующей неделе, только произнесите кодовое слово, – смеялась я.

– Какое? – Удивилась девочка. Меня зовут Таня Сумарокова.

– Клевет, – тихо на ухо, прошептала я.

– Вот ты где, – Марьяна стонала от тяжести и тепла шиншиллы, но снять явно боялась. – Я нашла нашу поделницу. Она сейчас принесет свои старые кости, как она выразилась. – Ты, кофе догадалась взять?

– Ещё не успела. Уже бегу, Ваше сиятельство. Жаль, что у тебя не горностаи. Тогда тебя можно было бы звать «Ваше Величество».

– Иди, острячка. Скоро, нам всем мало не покажется.

Словно подслушав Марьяшино обещание, позвонил Филипп Сергеевич.

– Вы сейчас свободны? Нужно поговорить, – голос был настойчивый и тревожный.

– Прямо, сию минуту не могу. У меня важная встреча, – я пыталась выкрутиться, чтобы сегодня не встречаться. Только после беседы с девчонками.

– Когда же? – не отставал следователь.

– Завтра, у меня, более или менее, свободный день.

– Хорошо. Хотя ваш труп так и гуляет где-то. Вы в курсе.

– Я целый день писала программы. Мне было не до этого, – как можно спокойней отчиталась я.

– Вериться с трудом. Мне показалось, что всей вашей троице исчезновение знаменитой ведущей сильно испортило настроение. Я не прав? – Допытывался проклятый служитель закона.

– Это на всех произвело сильное впечатление. Не удивительно у нее была самая знаменитая программа в течение десяти лет. И прыгнуть выше ее никто и не пытался. Кроме того, она держала высокую марку, не опускаясь до безвкусицы большинства нынешних передач.

– Я вас понял. До завтра.

Я облегченно вздохнула и, дойдя до стойки с кофе, взяла три чашки эспрессо, хотя знала, что Машка пьет американский, а Яна капучино.

Марьянка опять умчалась. Видимо, пристраивать шубку, которая при таком употреблении, скоро превратится в дранную крыску.

Я неторопливо мешала в чашке отсутствующий сахар.

Внезапно мой взгляд упал на пожилую женщину, которая сильно напрягла лоб, считала копейки, чтобы купить булочку в «Максе». Скорее всего, она из массовой, какой-нибудь забойной программы. Публику туда набирают и платят крошечные гонорары. Больше всего меня поразила обувь, в которую была обута женщина. На ней были точно такие же бо-

тики «Прощай молодость!», в которых ходила Марьяшкина бабушка. Мы над ними подсмеивались, но когда бабушка умерла, мы стали выбрасывать старую обувь. Нам стало грустно расставаться с предметом наших вечных молодых шуток. Ботики «Прощай молодость» похоронили с почестями, как и нашу ушедшую беззаботную молодость. Когда уходит кто-то из старших, ты становишься, если не старее, то взрослее точно. А это не так весело.

Бабушка Александра Владиславовна была наша строгая воспитательница, наставница и пример для подражания. Она управляла домом, родителями и обеими внучками Алисой и Сашей.

Гордились «А.В.» – так мы ее любовно и сокращенно звали, не только внучки, но и мы с Марьяной.

В молодости «А.В.» была певицей с незаурядными еще и театральными способностями. Диапазона ее голосовых связок хватало на четыре октавы. При этом она не напрягалась и тянула театральные рисунки так же легко, как и ноты арий.

Почему, сейчас, когда стоит думать совсем о другом, я вспомнила «А.В.»? Знаю, потому что именно она готовила своих девочек к блистательной карьере. С сыном у нее не получилось. Он любил естественные науки. Петр Анатольевич не любил театр и сцену ровно на столько, насколько его мать обожала. Он сделался биологом и кропотливо и удачно копал над диссертациями. Мать Алисы и Саши и вовсе не по-

нимала, зачем рояль занимает столько места в гостиной, где развернуться невозможно. Она читала книги. По-моему, все без разбору. Работая в литературном архиве, Вера Николаевна заходила в экстазе от того, что к ним приходили разные писатели и вообще знаменитые люди, которые работали с редкими книгами, а им работникам невидимого фронта оставляли автографы на долгую память. Ничего плохого про такое увлечение сказать было бы невозможно, кроме того, что ни одну подписанную книгу нельзя было взять с полки и уж тем более вынести из дома.

Девочки довольствовались либо школьной библиотекой, либо брали у однокашников.

«А.В.» фыркала каждый раз, когда начиналась сцена «ну эту-то книгу можно?» Она вводила девочек к себе и давала старинные факсимильные издания выдающихся писателей и поэтов, которые дарили оперной певицы в знак почитания и поклонения.

Одно было плохо. Почти все эти выдающиеся представители литературного цеха были запрещены вскоре после революции.

Можно сказать, что образование девочек не страдало, а наоборот уровень их знаний повышался, но отметки ставили за идейно выдержанных литературных знаменосцев.

Сколько времени я уже сижу, если я вспомнила всю нашу детскую жизнь. Где Марьяна и Яна.

Я встала из-за стола, оставив вещи на диванчике, и дви-

нулась к лестнице.

– Ты куда? Мы же к тебе несемся на всех парусах, – девчонки чмокнули меня в обе щеки и тут же побежали к стойке бара.

– Так хочу, есть, – отчиталась Яна, жуя на ходу еще не оплаченный пирог со шпинатом.

– Давайте подогрею, – предложила барменша. – Так невкусно.

– А я не заметила, что он холодный. Второй – подогрейте.

– Мне тоже со шпинатом и салат с крабами, – влезла с заказом Марьянка.

– Где шуба? – Поинтересовалась я. – Не может быть, что нашёлся сейф, которому ты доверила шиншиллу.

– У тебя, Кира, нет воображения. Я пошла в кабинет к председателю и спросила у секретарши, вернётся ли он сегодня? Она ответила, что навряд ли. Так как я умею строить с людьми хорошие отношения, и Валечка мне разрешила запереть в шкаф начальника шубу, и даже ключ взята с собой.

– А ключ от себя и своей приемной не дала? – На полном серьёзе спросила Яна.

– Нет, – взволновалась Марьяна. А что должна была?

Мы приснули так, что весь замечательный кофе начал медленной струйкой литься на вещи. Но даже эта неудача стоила выражения лица Марьяны.

– Я сейчас поднимусь и попрошу...

– Чтобы она себя заперла? – Я погладила Марьяну по дро-

жащему плечу и ласково объяснила, что всё она, Маша, сделала правильно.

Я понимала Машкино состояние. Шуба – была единственным её богатством. И досталось она ей не за горячие ночи с противным олигархом, а за то, что она много лет ухаживала за матерью подруги. Когда женщина скончалась, и дочь приехала на похороны в Москву, она привезла раздетой и бедной Машке шикарную шубу из шиншиллы.

Мы долго возмущались, зачем Марьяшке, у которой гроша в кармане нет, и работы в тот момент тоже не было, шикарный мех, прикрывающий голь перекатную. Но мы ошиблись. Именно появление в мехах, чуть спущенных с округлых белых плеч красивой Марьяны, и дало ей работу.

– Я что-то есть не хочу. Меня тошнит заранее от разговора, который сейчас начнет Кира, – Яна отодвинула, несколько демонстративно кофе и пирожок, который в разогретом виде очень хорошо пах.

– Я не собираюсь вести, никакие душещипательные беседы. Просто, каждой из нас придется давать показания. А ведь они у нас разные. И не потому, что кто-то из нас собирается выкручиваться или врать. Мы столкнулись с обстоятельствами в разное время и отреагировали по-разному.

– Да, но мы все помогали, то есть скрывали истину. Более того, мы и сейчас не знаем, как обстоят дела на самом деле. – Марьяна отхлебнула капучино и облизала кремовые губы. – Ты, дорогая Кира, можешь ответить, кого умыкнули сегодня

ночью? Я нет. Поэтому мои показания ничего не дадут.

– Не надейся, они из нас выковыряют все, что было до этой истории и после, – я с надеждой посмотрела на подруг. – Сначала, неплохо бы разобраться в собственных отношениях.

Мы замолчали.

– Пошли отсюда. На меня плохо действует «Останкино», словно кровь высасывает, – Яна поднялась из-за стола. – Я буду ждать вас на входе.

– Мне нужно шубку забрать. Я быстро, – Марьянка понеслась на высоких каблучках, стук которых распугивал шедших к лифтам.

Я взяла норковый жакет, и подумала, что для машины он намного удобнее. Стоило позвонить дочери, спросить, как прошел день. Ответ я знаю заранее, а ее тон бесил меня и почему-то отнимал последние силы.

Наши дети были так далеки от нас, как будто не мы их рожали, кормили, обучали. Когда мы маялись от непонимания, бабушка «А.В.», довольно просто нам все объяснила.

– Вы родились и большую часть жизни прожили при Советской власти, как и поколение ваших родителей и ваше понимание жизни гораздо ближе и понятнее друг другу. Вы пользовались вещами и ели продукты, которые назывались одинаково и не менялись годами... Даже мне, пришлось слишком много лет ублажать оперные вкусы верхушки советских руководителей. Дети ваши перешагнули сразу через

век, даже те, кто родился в 90-е. Уйдут долгие годы, пока ваши вкусы и понимания сомкнутся. А может и вовсе такое не произойдет. Не терроризируйте их. Постарайтесь услышать в их бредовых идеях капли истины, которую вам только придется познать. Учитесь у них...

Мы все втроем были возмущены. Ещё не хватало, чтобы эти пигалицы нас поучали. «А.В.» улыбалась и кивала головой, то ли соглашаясь с нами, то ли давая понять, что по-другому не будет.

Я не знаю, почему я так издалека начала анализировать историю, которая сегодня, может быть, закончится и перестанет нас мучить ночными кошмарами.

Пока я ждала Марьянку и смотрела через стекло на Яну, которая вытащила сигарету и никак не могла прикурить на ветру, мне казалось, что она думает о том же и пугается во-все не последствий. Хотя они могут оказаться для нас фатальными, а того дня, когда мы согласились поучаствовать в шутке.

Шутка оказалась неудачной.

– Куда пойдём, только в место пошикарней, – Марьяшка повела красивыми плечиками, обволакивающими мехом переливающейся шиншиллой.

Шёл снег, но не липкий, а хрустальный. Мы стояли под фонарём, который освещал только половину наших озабоченных лиц.

Точно также мы переминались с ноги на ногу, принимая

решение, которое кому-то сегодня стоило жизни, а нам глубоких раздумий и чувства непреодолимой вины.

– Нет, пойдём, где тихо и мало народу. Я уже за целый день очумела от шума и гама гостей. Я даже телефон выключу, – Яна демонстративно вытащила старенький потертый от постоянного использования мобильный и нажала кнопку.

– А два других? – Спросила я. Те, ты тоже выключишь.

Яна, неохотно вытащила ещё пару мобильных.

– Я один отключу, – сказала она жалостливо. Второй – это же связь с домом, а там мама, Катя Мотя, Соня, Вадим.

– Ладно, – всё равно, потом в недрах твоей широченной юбки найдётся еще один или два.

Яна жила в ритме, который ни то, что нормальная женщина не выдержала, но и богатырь не в состоянии перенести. Она была обременена большой семьей. Все они сидели на ее шее. Шея, правда, была не тонкая. Янка – крупная большая, всегда веселая немного привирающая, любимая подруга. Лжет она не от большой выгоды, а потому что ничего не успевает. Ей нужно заработать много, очень много денег. Чтобы прокормить всех, держать домработниц. И сама Яна, обожает дорогие цацки. Эта единственная радость, да еще редкие поездки за границу, чтобы отключиться ото всех проблем и людей. Сейчас на ней тоже было надето несколько, совершенно неподходящих друг другу изумительных колец, серьги – совершенно другого стиля и века и много разных браслетов, сияющих разными цветами и столетиями. Она

всегда ходит нараспашку. Она большая и теплая и очень верная. К ней всегда хочется прижаться и полежать, закрыв глаза, на ее большой теплой груди.

Я не потому так подробно описываю своих подружек, чтобы подчеркнуть их негативные качества. Совсем, напротив – именно их странности и умение рисковать, делает их очень привлекательными и близкими для меня. Мы все не вписываемся в общий стиль телевизионного формата.

* * *

Начнем сначала.

– Ты о чем все время думаешь? – Тревожно спросила Машка. – Опять сочиняешь сценарий или еще хуже – книжку?

– Не угадала, – я засмеялась. – Я пытаюсь вспомнить нашу молодость. Вы не заметили, в какую сторону мы направляемся?

– Боже, а твоя машина? – Яна оглянулась к безумной гуще автомобилей около «Останкино». Мы пешком пойдём?

– А что? Разучилась? – Я подхватила девушек и направила через дорогу. Хочу дойти до нашего старого дома. Как вы думаете, осилим?

– Ты как себе представляешь? – Я, в длинной шубе, подметая грязный снег, прусь к старому развальному строению? Ты сошла с ума, – чуть не плакала обладательница един-

ственной роскошной вещи.

– Хватит ныть. Обрежем и будет казаться, что у тебя новая шубка, – Янка строго посмотрела на Марьяну. Я могу тебе дать свою норковую. Тебе как раз будет, как жакет.

Я с удовольствием слушала их перебранку. Мы, очень давно, вот так не гуляли, не ссорились и не смеялись, издеваясь шуточно, друг над другом. Последние несколько лет мы добросовестно посещали дни рождения каждой из нас. Помогали, если нужны были гости для программ, обменивались VIP телефонами, которые так не достать и пару раз в неделю созванивались, отчитывались, что все хорошо и помощь пока не нужна. Такие близкие и отстраненные отношения сложились неслучайно. Мы не хотели обсуждать ту самую программу, на которой мы неофициально работали.

* * *

Итак, однажды три девочки пошли в прогулочную группу с английским языком на Советском сквере. Это в центре Москвы, там, где стоит памятник Юрию Долгорукому. Крошечного роста Кира с длинной косой, длинноножка Марьяна и прелестная, как ангел рыжеватая блондинка Сашенька.

Прогулочная группа отличается от детского сада тем, что там только гуляют – три часа – утром и два часа – вечером. Разговаривала с нами воспитательница Евгения Карловна по-английски, хотя сама была немка. Но в то время,

когда мы росли, популярен стал английский, особенно, после победной войны над всем немецким. Евгения Карловна весьма образованная бонна в бывших родовитых домах с лёгким немецким акцентом учила нас английскому.

Еще одна интересная история связала трех девочек. В то время, когда мы рождались, в моде были популярны имена Лена, Оля, Наташа и все остальные простые имена. Наши мамы, видимо начитались импортной литературы или насмотрелись трофейного кино и я, и Марьяша получили иностранные экзотические имена. У Сашеньки более понятная ситуация – ее назвали в честь бабушки. Но имелась и старшая сестра Алиса. Почему ее начитанная мама так назвала, не знает никто. Семья «А.В.» приветствовала это имя, так как Алиса родилась злато рыжей и в доме её звали лиса Алиса.

Я начала с нас, потому что Яна приехала из другого города и сначала получала образование в судостроительном институте. Объяснить, почему, никто не мог.

Моя мама сидела дома и воспитывала двух разнополых детей. Старший брат – был мальчик, не требующий особых усилий. Он был отличник, помощником маме и потрясающий старший брат. Разница у Марка и Киры была двенадцать лет, и старший брат стал непререкаемым авторитетом для сестры, а вскоре в силу жесткости характера и для мамы. Отец у нас быстро исчез. Оставив после себя осадок ужаса и желания больше никогда с ним не встречаться. Такая подробность описания моей семьи нужна лишь для того, чтобы

объяснить, почему мне так хотелось бегать, в уютную комнату «А.В.». Мама вынуждена была много работать, а Марк пошел работать в кино, а после блистательно поступил во ВГИК. Мы видели мы его редко, а вскоре он женился, и наше общение свелось к государственным и домашним праздникам.

Марьяша росла тоже в неполной семье только с отцом. Мама у нее умерла рано, и суровое справедливое воспитание отца несколько коробило маленькую нежную девочку. Ей тоже хотелось варенья с белым хлебом и маслом. Я присоединилась к ее сладкому увлечению. «А.В.» всегда ждала нас с тарелочкой сладостей и крепким чаем с молоком.

Тогда мы не могли себе толково объяснить, почему нас тянет в дом «А.В.». Да, это был именно её дом и её любимых внушек. Сын обитал в лаборатории со своими жабками, а мама, даже, если и присутствовала в квартире, то все время читала огромные фолианты, причитая, что, когда девочки вырастут, они оценят, какую сокровищницу она для них приготовила. Пока девочки, разница в возрасте у которых была пять лет, с трудом оценивали работы древних философов и академические издания классиков, которые нельзя было листать и слюнявить. Эти проблемки не сильно беспокоили подростков. У них была «А.В.», которая давала читать любые книжки, даже не очень понятные по смыслу. Но, главное было не в этом. Девочки садились, как замороженные, впихиваясь в Вольтеровское кресло, на подлокотники

взбирались мы с Марьяшкой и внимали магии подготовки к работе над ролью. «А.В.» садилась за рояль и начинала медленно листать ноты. Она тихонечко напевала мелодии, которые попадались и которые особенно любила. Найдя необходимую арию, «А.В.» отворачивалась от нас, так, что нам был виден только ее гордый профиль с двумя гордыми подбородками, подпертыми обязательным воротничком с брошью. Не думаю, что такая поза для работы была ей удобна. Но «А.В.» хотела видеть большое окно и ту женщину, чью арию она в данный момент будет петь.

Мы сначала думали, что сидеть нужно как мыши, иначе нас выгонят. Постепенно обнаглев, мы стали елозить по креслу, сползать с него и даже падать с большим шумом. «А.В.» не обращала на нас никого внимания, словно ушла в мир оперных приключений.

Как-то раз Алиса, как самая старшая спросила бабушку, не мешаем ли мы ей.

– Наоборот, помогаете. Я слышу дыхание публики и другие посторонние звуки, которые обычно раздаются из-за кулис.

Наши разговоры о музыке и о будущей жизни начались далеко не в первый год нашего знакомства. Долгие годы мы просто пили чай. «А.В.» рассказывала забавные случаи из театральной жизни. Чем старше мы становились, тем истории были откровенней и даже фривольней, ровно настолько насколько молодым девушкам было прилично их рассказы-

вать. Чувство меры и вкуса никогда не изменяли «А.В.».

Когда мы с Сашей и Марьяной были в классе в шестом, а Алиса в десятом, «А.В.» долгим взглядом осматривала нас, пока мы баловались плюшками и, поставив бесшумно большую элегантную чашку на стол, спросила:

– Девочки, а у вас есть мечты? – Взгляд её был строг и непреклонен.

– Какого рода мечтания тебя интересуют? – Хихикая, спросила Алиса. Вслед за ней зарделись и хмыкнули мы.

– Ваши любовные глупости меня не интересуют. Все это проходит раньше или позже, но с одинаковым разочарованием и слезами.

– Почему так горько? – Спросила я. – Разве первая любовь не может быть навсегда? – Я мечтательно вознесла глаза к потолку.

– Любовь может. Но распознать ее в вашем щенячьем возрасте трудно. Ну, об этом позже. Я имею в виду вашу судьбу, характер, профессию... В нашей семье всегда были знаменитости. Они могли петь, как я, или быть пианистами известными, или академиками, как вскоре станет мой «жабкин» сын. «А.В.», весело засмеялась, и было видно, что достижения сына ей крайне приятны. Дожила. А к чему стремитесь вы все?

Мы опешили от такого серьезного разговора. Если Алисе и пора было задуматься над судьбой, то нашу жизнь пока формировали родители и таких глубоких вопросов не зада-

вали.

– Молчите. Плохо. Алиса – ты обещала мне рассказать о своих задумках, – «А.В.» нахмурилась, и теплое яблочное лицо превратилось в сушеный банан.

– Я хотела попробовать тоже начать петь, – Алиса съёжилась, словно ожидала, что хлыст со свистом пронесется над её головой.

– Неплохо, конечно. Но, у тебя нет оперных данных, – бабушка ухмыльнулась и уставилась на старшую внучку.

– Я хочу петь эстраду, – Алиса снова зажалась, и кулачки её покраснели от боли.

– Я не ослышалась? Ты будешь петь эту безвкусицу, – «А.В.» встала и пошла к роялю. – Садитесь. Она начала играть очаровательные лёгкие как пёрышки мелодии, потом перешла на тягучие и томные романсы и снова были песенки, только грустные как падающие капли дождя.

Мы молчали, потому что боялись спросить. Чей это репертуар, и кто написал такую прелесть.

– Теперь же я вам сыграю то, что Алиса назвала эстрадой. Бабушка бойко начала играть современные песенки, легко переходя от одной к другой. И только, раза-два она остановилась и сказала, а вот это действительно песни и шлягеры. Но их уже поют. У тебя есть композитор, который создаст под твой чуть хриловатый, почти пародийный оттенок репертуар, чтобы ты могла переходить из одного песенного жанра в другой.

– Нет, и ты прекрасно знаешь, – Алиса встала и вышла из комнаты.

– Кто следующий на препарирование? – «А.В.» взглянула на меня и, я, как под гипнозом пошла к креслу.

– Я петь и танцевать не хочу. Я буду заниматься языком. Мне дается он легко, и я получаю от этого удовольствие. Если будет не лень – выучу второй, какой-нибудь экзотический.

– Ясно. Хорошо сформулированная среднестатистическая мысль. Мы еще посмотрим на твой вкус к иностранным культурам. Мне кажется, что у тебя не хватит усидчивости вызубривать все сложения, спряжения, старинные формы. Тебе не захочется быть чьей-то тенью, которая переводит «умные» мысли сильных мира сего.

Я была крайне обескуражена такой безапелляционностью «А.В.», но, возразить побоялась.

– Марьяша, а какая у тебя голубая мечта? – «А.В.» улыбнулась, словно точно знала ответ.

– Я хотела бы заниматься танцами. По-моему, мне неплохо удаётся, – гордо подняв голову, ответила Маша.

«А.В.» внимательно посмотрела на Марьяшину фигуру и тут же отмела Машкин выбор.

– Ты скоро располнеешь, а сдерживать ты себя не умеешь. Если не успеешь выйти замуж за олигарха в ближайшие пять лет, то нужно думать о чем-то другом.

– Я могу стать моделью, – робко прошептала девушка.

– У тебя не хватит характера улыбаться каждому, а то и ложиться под любого.

Мы были потрясены такой откровенности с девочками 13-15 лет.

– Я говорю вам все это не для такого, чтобы шокировать ваши детские ранимые души. Вы девочки романтические и не очень наблюдательные, – «А.В.» ласково оглядела нас. Сейчас, пришли жестокие и безвкусные времена. Я такие времена уже один раз пережила и с трудом устояла. А, характер у меня стойкий. Вам придется еще хуже. Когда я была молодой и мечтательной еще жили люди той эпохи, которые могли дать нам опору, вкус, силу в жизни. У вас таких, кроме меня, нет, – «А.В.» громко засмеялась. Именно поэтому, я так рано начала вас терять.

– Бабушка, а почему ты ничего не говоришь про меня? – Возмутилась младшая внучка.

– С тобой, милая Александра, сложнее всего. Ты – нераскрытая книга и не знаю, сможешь ли вырваться из плотной скорлупы. Ты живёшь, как понарошку. Немного рисуешь, немного играешь на рояле, хотя сейчас уже и не играешь. Читаешь какую-то бредятину, и главное абсолютно не имеешь собственных планов. Я не права? – Бабушка жёстко посмотрела на Сашу.

– Тебе не приходило в голову всезнайка, что ты меня знаешь хуже всех. Я не хочу раскрывать сердце и душу перед всеми, – Саша встала и вышла из комнаты.

– Жаль, что я не понимаю, какую боль, идею или мечту, Сашенька скрывает. Это может кончиться большой бедой.

– Бабуль, ты заигралась несколько в прорицательницу, – Алиса подошла к «А.В.» нежно прижала ее и с удивлением посмотрела.

– Дай Бог, чтобы я ошиблась. Главное, девочки стремитесь к лучшему, что еще осталось в этом поникшем мире.

Судя по приведенному выше разговору можно представить, что «А.В.» суровая, мрачная старуха. Ничего подобного. Она была веселой, шаловливой и обожала разыгрывать и попадаться на удочку. Она хохотала больше всех и только причитала, что она так и знала, что ее опять обведут вокруг пальца. Именно, поэтому мы обожали посещать её дом.

Мне показалось, что вскоре мы все позабыли о судьбоносной беседе. Пожалуй, только Алиса стала больше заниматься с бабушкой, да Марьяшка, перестала есть, вообще.

* * *

Мы шли по снежной Москве, кутая те места, которые особо продувало, и достигли нашего дома на Цветном бульваре.

Дворик сильно изменился с тех пор, как мы поверяли в нем друг другу самые важные секреты. Тогда, это был старозаветный дворик. Несколько невысоких домов, построенных в разные времена. Два из них – еще до революций. С виду они казались, наклонившимися как «Пизанская Башня».

Мы несколько раз бывали там, у школьных друзей и внутри квартиры были весьма крепкими и даже не особо требующие ремонта. В комнатах было много лепнины, которую, к счастью никто не вознамерился сбить. Полы паркетные и тогда даже пахли замечательным праздничным запахом мастики.

Именно в таких барских апартаментах жила семья «А.В.».

Ремонт там не делался никогда, но лёгкий запах плесени от стен и старых дорогих вещей придавал дому особый флёр.

О доме, где мы жили с Марьяшей, рассказывать так подробно, не стоит. Кооператив, построенный в 1927 году для деятелей искусства и эстрады. Стандартные большие квадратные комнаты, кухня и одна из комнат с балконом. С этих балконов мы – девчонки перекрикивались, договариваясь о встречах и обсуждая насущные проблемы. Так что весь двор был прекрасно осведомлен о нашей молодой задорной жизни.

«А.В.», постоянно этим возмущалась, однако внимательно слушала наши «уникальные» новости и видимо, делала выводы.

* * *

Я не случайно так подробно описала наш юный быт и место, где в основном обитали. У нас не было беседки, но был тополиный сад. С мая по конец июня мы жили в летней зиме. Все ругались и чихали, но понимали, что какой-то импрес-

сионистский изыск в этом есть.

В нашем дворе произошло много событий, которые сегодня тянут нас обратно в молодость. На первой лавочки от входа в палисадник, началась история, которая, то ли закончилась так ужасно сегодня, то ли только начинается.

Останавливаться сегодня во дворе не хотелось. Его весь перекопали. Окружили старые дома огромными стеклянными «аэродромами». Создавалось ощущение, что с высоких этажей стекляшек ведется наблюдения за нами, муравьями, суесящимися внизу.

Мне не обижались на новомодное строительство, но приходить в садик не хотелось. Окруженный машинами, которые стояли почти друг на друге, загазовывая бывшее тополино-липовое пространство. Деваться нам было некуда. Мы пошли на Цветной бульвар. Он тоже сильно изменился.

Я засмеялась неожиданно и громко.

– Ты что? – Испугалась неадекватной реакции, Яна.

– Я вспомнила, как мы гуляли поздней ночью, ранней перестройкой и пели. Потом остановились у памятника трех железных колхозниц и запели «Ой, цветет, калина...».

Девчонки захмыкали и гуськом, держась друг, за друга скользя на раскатанном снегу, направлялись к тем самым металлическим теткам. Но их тоже унесли, как нашу беззаботную молодость.

– Кира, ты помнишь, как мы ночью ходили, летом с твоим мужем Артёмом, Стасом и Левкой на бульвар, к первым

кооперативным палаткам за «Сникерсами» и пугали продавцов известными лицами наших мужиков. Они же тогда были самые знаменитые на телевидение.

– Помню, как мы гордились этим. Еще помню, как Левка поставил новый «Джип» под нашими окнами, в полной уверенности, что уж его – звезды, машину не тронут. Утром – все колеса были спущены.

– Я помню, как он орал по мобильному, на весь двор, – засмеялась Марьяшка, вскочила как ошпаренная. Звонил, он кажется, Стасу.

– Да. Было только восемь утра. Мы развлекли весь двор. Встали все и высунулись из окон, чтобы посмотреть на аттракцион как три телеведущих ничего не умея, ругаясь и напевая, «Ни кочегары мы, ни плотники...» доламывали машину», – у меня на глазах выступили капельки. Наверное, мокрый снег. – Радости было всем.

Хотя я и Марьяна продолжали, как и семья Дашковых жить в том же дворе, но он стал совсем другой, как впрочем и мы.

– Девушки, мы так долго можем вспоминать наше прощанье с молодостью. Мы ведь собрались по другому делу, – Яна строго посмотрела сквозь заснеженные ресницы. Я должна домой бежать. У меня там полный дом несмышленных обалдуев.

– Я не знаю с чего начать, – заныла Марьяна. – Я вообще не вижу своей вины...

– А тебя никто не обвиняет? Но мы должны сформулировать версию, я многозначительно замолчала.

– Ты имеешь в виду, что, правда, должна остаться между нами? – Яна с ужасом посмотрела на нас. Почему мы должны отвечать за весь этот трагифарс?

– Мы дали слово «А.В.», – я не стану нарушать обещания.

– Девочки, мы сегодня на слишком большом взводе. Лучше разбежаться и подумать. Машка, ты, куда к очередному другу, – Яна поцеловала подружку, потому что Марьяша надула губы. Не обижайся. Я твёрдо верю, что ты найдёшь своего золотого мальчика. Я побежала ловить такси. Чао.

Янка умчалась, на ходу поднимая руку, призывая машин остановиться.

* * *

Мы с Марьяной, не сговариваясь, уселись на мокрую скамейку.

Все-таки история эта достаточно далека от Яны, – задумчиво сказала Марьяша. Она еще даже не была нашей знакомой.

– Ну, основную часть она должна хорошо знать. Мы же все вместе собирались и давали клятвы и переходили с одной работы на другую, никому ничего не объясняя.

– Как нам мог прийти такой бред в голову, – Марьяша вопросительно посмотрела на меня.

– Ты вспомни, что происходило тогда со страной и нами.

* * *

80-е годы «Прощание с молодостью»

В 1980 году мы с Сашей, Марьяной заканчивали школу. После того многозначительного разговора, когда нам было по 13-14 лет, «А.В.» больше никогда не возвращалась к этой теме. Мы забыли о ней еще быстрее. Все устремления бабушки сконцентрировались на Алисе. Она блестяще выпустилась из средне-образовательного учреждения. Да, по-другому в семье Дашковых не могло быть. «А.В.» несла победу своей семье в любой области искусства и науки как знамя. Опустить его или приспустить было невозможно. Такие же правила относились к тем, кто посещал дом «А.В.». Иногда, складывалось ощущение, что гости, и друзья вносят штандарты своих полков и складывают их к ногам бабули. Она уж умела отобрать, кого допускать, а кого придержать в большой прихожей, где висел огромный портрет самой А.В и напротив такое же большое старинное зеркало. Так что в нем отражалась только бабуля, которая каждое утро проверяла состояние внешнего вида. Свет был выставлен так, что с одной стороны он прятал все изъяны «А.В.», а с другой, намекал, что, то тут, то там надо похудеть, подтянуть и подкрасить.

Мне доставляло невероятное удовольствие тайком из-за

угла наблюдать за этой примеркой самой себя.

Сашка говорила, что поначалу она тоже, как замороженная смотрела и даже пыталась подражать и бабушка не возражала, хотя всё видела. Алиса никогда не подражала и не слизывала бабулины манеры. Саня уверяла, что «А.В.» ей не разрешала. Только, младшая внучка не знала почему.

Марьяшка прибежала реже. Она училась в балетном училище, и ей было совсем некогда копировать кого-либо. Да и осанка у неё была прямая, а волосы затянуты в нежный девичий пучок и «А.В.» это очень нравилось.

Как-то раз, я зашла вместе с Саней к Дашковым, и мы услышали громкий на все четыре октавы ревевший голос бабули. Ничего подобного никогда в доме не наблюдалась. Конечно, «А.В.» разговаривала властно и достаточно громко, но повышать тон ей даже не было необходимости. Ее и так все хорошо слышали и все беспрекословно выполняли.

– Какого черта, ты, моя любимая старшая внучка вместо того, чтобы готовиться в консерваторию, завела роман, забеременела и теперь срочно прибежала ко мне. Что ты хочешь от меня?

– Бабуль, мне нужны деньги, сделать аборт. Я не хочу этого ребенка. Я подготовлюсь в Консерваторию. Ты же знаешь, что я тебя не подведу.

«А.В.» медленно села в Вольтеровское кресло и изрекла:

– Я дам тебе врача и денег. После операции, ты уедешь в Крым и там начнешь заниматься с моей подругой Ольгой

Леонидовной – она гениальный педагог. Лучше, чем я. Я с тобой всё равно сейчас не хочу общаться и видеть, Алиса, тебя не могу. Иди.

Мы на цыпочках отошли от входной двери и отправились на улицу.

– Как ты думаешь, «А.В.» догадается, что мы все слышали? С интересом и страхом спросила Саша.

– Не знаю. На всякий случай, пойдем ко мне и позвоним, предупредим, что делаем уроки у меня.

Настроения разговаривать не было никакого. Обсуждать, поступки и слова «А.В.» мы не стали. Это априори было неприятно. Известия, которые принесла Алиса, были удивительны и явно разочаровали бабушку.

Мы сосредоточенно занимались. Через два часа позвонила «А.В.» и сказала, что уроки девочек седьмого класса не могут занимать больше полутора часов.

Сашка быстро собрала портфель и так, не сказав ни слова, помчалась домой.

Меня распирало все пересказать Марьяне, которая уже должна была вернуться из училища.

Я ходила по комнате вдоль и поперек, решая, впервые в жизни, непростой вопрос. Если выдать чужую тайну, я стану предательницей, если скрыть от близкой подруги, значит, я ей не доверяю. Я вся взмокла от попытки решить проблему. Но, все получилось наилучшим, как мне тогда казалось, образом.

– Кира, мне Саша сказала, что вы случайно слышали наш неприятный разговор с Алисой, – голос «А.В.» был жёсткий и сухой. – Ты ничего не слышала.

Марьяне я сама всё объясню. Всё остается как всегда. Ты меня хорошо поняла?

– Да. Я могу к вам приходить? – Робко поинтересовалась я.

– Всё как всегда. Хотя, я думаю, что скоро у вас не останется свободного времени на посиделки. Надеюсь, ты готовишься в институт?

– А как же. Только этим и занимаюсь, – с иронией сообщила я.

Бабушка не приняла моего сарказма.

– Вот и продолжай.

Александра Владиславовна выполнила все решения. Алиса исчезла из дома, не попрощавшись ни с кем. Мы стали встречаться крайне редко. Исключительно в школе.

Вскоре, занятия с нанятыми педагогами и попытка нагнать те знания, которые мы, то ли не приобрели, то ли упустили во время школьного периода, занимали весь день. Мы падали с ног.

За последние три месяца перед окончанием, я видела «А.В.» раза три и только на концертах. Был ее юбилей, который пышно отмечался в Консерватории и еще два выступления на вечерах, посвященных ее знаменитым коллегам.

Отсутствие общения с «А.В.» на меня сильно повлияло.

Мне не хватало, её саркастических замечаний, ее жестких решений и бесконечных рассказов, о тех временах и персонажах, которых мы никогда не увидим и не узнаем, если бы, не рассказы «А.В.».

Это был наш Университет культуры и жизни. Несмотря на то, что учение было жесткое и часто неприятное, бабушка никогда не приукрашивала события.

Я готовилась как безумная. Дома меня предупредили, что в связи с моей еврейской национальностью, я могу не рассчитывать на переводческий факультет. Даже на дневное, педагогическое отделение меня вряд ли, возьмут. Но, меня это не обескуражило. Я поступлю на вечернее, и буду искать работу близкую к будущей профессии.

На экзамены меня, дрожащую от ужаса, вез старший брат, который повторял все время фразу К.Маркса «Нам нечего терять, кроме своих цепей, а приобретем мы весь мир».

Мир я не приобрела, но на заочный факультет поступила. Искать работу не пришлось. Марк устроил меня на киностудию. Я сначала просто склеивала пленку ацетоном. За это нам давали молоко, как за вредное производство. Из него мама дома делала домашний творог. Позже, меня стали допускать работать с молодыми, а вскоре и маститами режиссерами. Это, наверное, было увлекательно, но совсем не мое. Оказалось, что и язык я знаю лучше педагогов и там я тоже скучала. Моя удручающая тоска закончилась ранним заму-

жеством. Я взяла академический отпуск в институте и удралась в брачную жизнь.

Я пришла к Александре Владиславовне пригласить на свадьбу. Она внимательно и с иронией посмотрела на меня и сказала:

– Я же говорила, что гранит иностранной науки ты грызть не станешь. Как впрочем, и приличной домохозяйкой ты сейчас тоже не станешь. Я приду на твою настоящую свадьбу – по любви. Ты бежишь из дома, от воспитания и наставлений Правильно? Только остановись вовремя.

Я выходила замуж навсегда, а «А.В.» уже похоронила мою счастливую жизнь. Мой муж был старше меня на 10 лет, иностранец. Все девки умирали. А я, ведь была не самая красивая, но бойкая, веселая и прекрасно танцевала, хотя в отличие от Марьянки не заканчивала балетного училища.

Вот именно тогда мы с моими подружками впервые разошлись по разные стороны баррикад. Каждая стала строить свою жизнь, пытаясь перегнать соперницу.

«А.В.» с грустью в глазах смотрела на наши соревнования и почти про себя причитала:

– Всё измениться. Всё будет и как надо и очень трудно.

Санька поступила почему-то в библиотечный институт. Когда мы с Машкой её спрашивали «почему». Она отвечала, что кто-то в семье Дашковых должен не только петь, но и книги читать. Она продолжает традицию мамы. Было видно, что эти ответы давались ей нелегко. Она их придумала на все

времена, и будет стоять на своём.

Один раз я видела, как она сидит на подоконнике своей комнаты, прижимая очередной фолиант, рыдает прямо на страницы ценной книги. В соседней комнате за роялем сидела «А.В.» и перебирала ноты, словно аккомпанировала тоске внучки. Она не поднялась и не пошла утешать. Она готовила своих родных к трудному и самостоятельному пути.

На следующий день «А.В.» встретила меня во дворе.

– Что же ты не пришла утешать лучшую подружку?

– Я не хотела вмешиваться в чужую жизнь, – растерялась я. – Но вы тоже не утирали Саньке слёзы.

– Нет. Эти слёзы принесут правильное решение, – бабушка подняла сумку, которую я хотела помочь донести, сделала нетерпеливое движение и вошла в подъезд.

Очень хотелось спросить, куда же все-таки сгинула Алиса? Но при воспоминании одного только выражения лица «А.В.» желание отпадало раз и навсегда.

В тот самый спокойный период жизнь текла почти спокойно.

Редко забегала Марьянка, чтобы рассказать, что она опять показывалась в очередной балетный или танцевальный коллектив. Её не брали, но надо знать хорошо Машку, чтобы хоть на минутку предположить, что она отступится или не использует все возможности вплоть до...

Я работала и училась, как могла. Уставала страшно. Происходило это ровно до того момента пока я не встретила Ар-

тёма.

Я забыла рассказать, как я удачно сходила замуж за иностранца. Польза от этого брака была только одна – я совершенствовала сразу три языка: английский, родной язык моего мужа и матерный. Звучит не по-дашковски. Интеллигентный человек должен выражать свои чувства, даже, если они его переполняют – вежливо и деликатно. К сожалению Никола, понимал в некоторые моменты жизни, прекрасно, только татарский язык, то есть, матерный.

Закончилась наша с ним отчаянная любовь тяжелейшим разводом и уговорами с его стороны, попытаться понять, что было не так. Как можно было объяснить человеку, что у нас с ним разное миропонимание, мироощущение, мировосприятие и вообще – разный мир. Единственное, что я, по-настоящему потеряла, прекрасных свекровь и свёкра. Я бы женилась на них обоих, если бы позволял, хоть какой-нибудь закон.

Буква закона предписывала возвращение в обыденную, достаточно сложную новую жизнь.

Все мои однокашницы, как раз успели выйти замуж, или завести сногшибательные романы. Я должна была начинать все сначала.

Я зашла к Дашковым. «А.В.» встретила меня, словно ничего не изменилось и не прошло несколько лет. Вопрос был только один – куда я собираюсь идти учиться?

– Я не знаю. Может восстановиться в ин. язе. Но мне там,

нестерпимо скучно. Спрашивала маму. Она только грустно смотрела на меня, но совета не давала.

«А.В.» совета тоже не дала. Сказала, что в свое время все встанет на свои места.

– Думай и ответ найдётся.

Как раз, когда я размышляла над своей нелёгкой и глупой судьбой встретила Саньку и Машку. Они сидели на Цветном бульваре – все в пуху и радовались, что теперь вещи, которые на них надеты, можно выбросить.

Выяснилось, что Марьяшку бросил очередной многообещающий балетмейстер, который подарил множество дешёвых шмоток из Second Hand-(а), который он даже не привозил из загранкомандировок, а скупал у своих бывших пассий. На работу он ее не устроил. Марьянка заливалась то ли слезами от пуха, то ли от горя, то ли просто истерически хохотала.

Санька в пандан ей тоже дрыгала ногами и отбивалась от пушинок и сквозь хохот пыталась рассказать, как она обманула «А.В.».

Я попыталась вникнуть в сбивчивый рассказ обеих подружек и поняла, что не только в моей жизни наступил переломный момент. Я присоединилась к ним. Только я не смеялась, а чихала.

– Правильно, – отреагировала на мою аллергическую реакцию Марьяша. – Чихать на все. Начнем все сначала.

– Что ты предлагаешь? – Спросила я довольно серьёзно.

– Тебя брат устроит на киностудию, а ты перетащишь нас. Там мы разовьем бурную деятельность. Нам ведь только 19 – 20 лет. Девчонки – дел по горло. Поехали.

– Куда ты собралась? – С недоумением поинтересовалась я у Марьяны, который тополиный пух привел к лёгкому сумасшествию. И новое выражение меня удивило.

– Ты едешь к Марку, бросаешься в ноги и, он впихивает тебя на работу.

Почему-то я послушала легкомысленную подругу. Иногда у Машки появлялись от безответственности, очень здравые мысли.

Санька перестала рыдать и хохотать от тополиной радости и задумалась. Лицо ее сделалось напряженным и даже злым.

– А, мне не к кому идти. Вы представляете реакцию бабули? Для нее всегда существовала только Алиса, а я, так. Конечно любимая младшая внучка, но бесталанная. Вкладывать в меня силы и время не было никакого смысла. И вот сейчас, я к ней явлюсь, пред светлые её очи и скажу, что я решила поменять институт, жизнь, профессию.

– Почему ты ее так боишься? Ты не зависишь от нее финансово, ты живешь в своей квартире, – я сурово посмотрела на Саню, пытаясь настроить её на боевой дух.

– Ты, знаешь мою бабушку много лет. Её презрение хуже, чем отказ дать еды или приюта. Ты, когда-нибудь обращала внимание, как шелестят её платья?

– Нет, – я удивилась такому странному вопросу.

– Когда у нее хорошее настроение, платья шелестят как лёгкий ветер, если не дай Бог, её что-то не устраивает – платье влачиться тяжёлым шуршанием, словно на подоле пришиты тяжёлые гирьки.

– Санька, ты не драматизируешь ситуацию? – Марьяна с сомнением посмотрела на посеревшее лицо приятельницы. – Может, ты всё себе придумала, а «А.В.» просто холодный себялюбивый и строгий человек. Она уже не молода, и все её проявления более резкие...

– Она такая была всегда. Только Алиса занимала её мысли и только с ней были связаны планы «А.В.».

– Но, Алисы уже много лет нет в семье, в Москве? – Я тронула застывшую фигуру Сани. – Казалось бы, ты должна заменить ей старшую неудачную внучку.

– Кто тебе сказал, что Алиса исчезла из жизни «А.В.»? – Саня встала и молча пошла к подъезду. – Больше говорить на эту тему не хочу.

Мы посмотрели на окна квартиры Дашковых и увидели «А.В.», которая внимательно смотрела на как мы все, опутанные тополиной паутиной возвращались в свои подъезды.

* * *

Тем не менее, Санины мрачные откровения не остановили нас с Марьяной.

Я обратилась к брату, и Марк устроил меня на киностудию

снова в монтажный цех, где я с трудом продолжала осваивать аккуратное склеивание изображения и магнитки. Руки, несмотря на нитяные перчатки, были порезаны и некрасивы. Мне это не нравилось. Нужно было двигаться дальше.

Через короткое время мне представился такой случай. Я попала в отдел перевода Госкино и так как была очередная летняя запарка, потому что переводчики уходили в отпуска, мне доверили закадровый перевод. Сначала, по монтажным листам, позже уже я сама резвилась, сидя у микрофона, подбирая наиболее интересные и остроумные слова к оригиналу.

Веселая жизнь в отделе перевода меня устраивала. Когда фильм был сложен для перевода и, смотреть его должен был созерцать большой начальник нашего правительства, я бежала в ресторан Дома Актера и там, через огромные окна витрины вытаскивала не очень трезвых, но замечательных профессиональных переводчиков на работу. Они что-то жуя, тогда жвачки не было, приглаживая волосы, поливаясь обильно одеколоном, который я им предусмотрительно приготавливала, затягивая галстук, садились за пульт как новенькие.

Наши шалости нас безумно радовали, кроме моей мамы и брата. Они считали, что это неподходящая компания для меня. Мне нужно высшее образование.

– Ты к 20 годам ничего не успела, – слушала я справедливую отповедь близких людей. – Ты прыгаешь как птичка, а нужно поступать в институт, – закончила мама, строго под-

жав губы.

– Хорошо – беззаботно ответила я. – В какой ты предпочитаешь?

В результате переговоров решили, что раз я работаю в киноиндустрии, буду поступать на киноведческий факультет.

Экзамены я благополучно завалила из-за полной легкомысленности. Я написала творческие работы, а на общеобразовательных, заболела, довольно тяжело. Просить помощи у Марка, который был в очередной творческой командировке, я не стала и завалилась. Ругали меня все – мама, брат, его семья – в общем, справедливо. Но, я закусила удила и не хотела, чтобы меня как Саню, как вещь ставили, то на одно место, то на другое. Я решила, что найду его сама. Так, что истории перехода всех нас на работу на благо киноискусства не произошло. Может и хорошо.

Приняв решение, я готова была его реализовывать. Как, не знала. В таком задумчивом, нерешительном состоянии я зашла к маме в институт, где работали самые известные театральные критики. Пока я поднималась по торжественной лестнице особняка, в котором располагался Институт Искусств, я встретила несколько, знающих меня еще с детства искусствоведов. Увидев мою печаль и прослушав гнусавую историю про то, что «жизнь, конечно, закончена» потому что я не поступила в высшее учебное заведение, и теперь не могу показаться маме на глаза.

Оба академика страшно порадовались моей проблеме и

взялись ее решить. На спор, как профессор Хиггинс и полковник Пикиринг они взялись подготовить меня за месяц, который оставался до экзаменов так, что мне даже не понадобятся шпаргалки.

Мне ничего не оставалось, кроме как поблагодарить и согласиться, хотя Галатеей я себя чувствовала не вполне.

Кто же знал, что напор, которым обладали пожилые джентльмены, превратит меня в пластилиновую массу, из которой они слепили вполне приличного абитуриента.

Я поступила на вечерний факультет и меня устроили на работу в Ученый совет престижного театрального вуза. Кто же мог знать, что вовсе не приобретение профессии станет основой новой студенческой жизни.

Пока я разбиралась со Станиславским, Мейерхольдом, Вахтанговым и другими гениями театрального искусства, Марьяшка нашла себе друга, который готов был спонсировать ее балетные поиски и ласкать и утешать, когда результат был отрицательным.

Санька пропала на какое-то время. Я и Машка заходили к ней домой. «А.В.» неизменно отвечала, что она в институте. Мы боялись задавать вопрос: «Какой институт она имеет в виду?»

Так прошел август и мы все случайно, не сговариваясь, встретились на любимом Цветном бульваре. Уже летел ни пух, а желто-красные листья, покрывая наши плечи как пончо или кимоно.

Мы долго шли, молча, собирая гербарий и поднимая желуди, делая из них человечков.

– Начну первая. Я поступила в Эстрадно-цирковое училище, – Саня замерла, ожидая нашей негативной реакции.

– Потрясающе. Сама. «А.В.» знает? – Марьяшка захлебывалась радостью за подругу, ее смелым поступком и результатом, которого можно ожидать.

– Да, – жёстко ответила Саня. Она сама меня туда подтолкнула. Сдавала я сама. «А.В.» не изверг же. Она поняла, что я засохну и умру в библиотечной пыли и стала со мной заниматься.

– Может мне тоже поступить туда же? – загорелась Марьяшка.

– Попробуй, – насмешливо поддакнула Саня. Туда конкурс как на конкурс красоты «Мисс мира».

– Я подумаю... – Марьяна затаила мысль и явно ее новый друг будет теперь целый вечер выслушивать о необходимости высшего образования для будущего балетмейстера-эксцентрика.

– Я на одном из просмотров познакомилась с потрясающей теткой. Она старше нас лет на пять. Такого оптимизма при полном обвале жизни я не видела, – обрадовала нас новым сообщением Саня.

– И что? – Спросила я. Мы хотим её видеть?

– Да. Сейчас я позвоню ей, и она примчится с нами общаться.

Мы пожали плечами, и так как особых планов на вечер у нас не было мы сели под нашими любимыми железными бабами и стали тихо напевать «Ой, цветет, калина...»

Через полчаса, на такси подкатила крупная, я бы даже сказала большая и высокая женщина с молодым красивым лицом, радостной улыбкой, с немыслимым начесом на голове, похожим на прическу Бриджит Бордо «Бабету» и легко выпрыгнув из машины, сказала:

– Дел по горло, но я так давно слышу о трех мушкетёрах, что бросила все и прилетела. Меня зовут Яна. Давайте знакомиться.

Мы с Марьянкой, несколько опешили от такого напора энергии и доброжелательности, но попытались соответствовать уровню общения.

Яна была чудная, при этом ударение нужно ставить и на первом и на последнем слоге. Описать ее одежды было невозможно. Все вещи абсолютно не подходили к тем старинным бриллиантам, которые она в большом количестве носила на всех открытых частях тела. При этом – все ей шло и делало ее удивительной, очаровательной, теплой и родной. Она быстро заменила нам старшую сестру. Ее советы были всегда оптимистичны и уверены. Со временем выяснилось, что Яна из-за обилия дел, которыми она себя нагроулила и в отношении семьи и, стараясь охватить весь спрос просьб друзей, немного гипертрофирует события и недоговаривает. Но, честное слово, данное, не имело никакого значения. Она

была готова помочь всем и каждому, найти ходы, чтобы человек мог решить проблему.

Я не случайно так надолго остановилась на фигуре нашей пухлой Яны. Именно она доказала нам, что историю, которую мы затеяли всего лишь милая шутка и никого не побеспокоит и никому не испортит жизнь.

Я вовсе не снимаю вины нашей с Марьяной, мы были уже очень «взрослые и серьезные» дамы. Но, лёгкий толчок всегда не мешает.

Посидев, поболтав, в основном, о грандиозных планах, которые нас ждут впереди, мы расцеловались и побрели в разные стороны.

Я пришла домой и решила, что теплым летним вечером лучше всего, открыв настежь балкон, почитать любимую книгу.

Внезапно из соседней Марьяшиной квартиры, я услышала безумные крики и стук в нашу соединяющую стену. У меня волосы встали дыбом.

Я выскочила на балкон и увидела странную картину – Игорь, так звали нового, но не молодежавого друга Машки, держал ее за руку, а она свешивалась с балкона, изящно изогнув торс, демонстрируя гимнастические и балетные таланты. В стену стучала бабушка Катерина Петровна, обезумев от игр молодых.

– Ты доказала. Завтра же позвоню ректору. Я уверен тебя, оторвут с руками, – сказал Игорь иронично.

– Звони сейчас. Завтра твой бизнес поглотит полностью, и ты забудешь мой подвиг. – Марьяна заплетала, стоя на балконе разметавшиеся чудесные льняные волосы.

– Я не знаю телефон ректора ни домой, ни мобильный.

– Не проблема. Марьяна схватила трубку, и, я услышала, как ее звенящий голосок просит к телефону Сашу. Как нет.

Марьяна вовремя спохватилась и стала спрашивать «А.В.», когда лучше застать подружку дома. В ответ, видимо, пожилая дама сказала, что в воскресенье. У Сашеньки – это единственный выходной.

Невольно, мы узнали, что Саня не поступала или не поступила в Эстрадно-цирковое училище. Она продолжает перетаскивать фолианты книг из одного книгохранилища в другое.

Я совершенно не была уверена, что «А.В.» в курсе перемен в Сашиной жизни. Я впервые задумалась, почему «А.В.» так любит и выделяет Алису и совершенно равнодушна к Саниной судьбе.

Теперь, когда старшая внучка и вовсе испарилась в неизвестном направлении, почему не обратить внимания на младшую девочку, так нуждающуюся в большой любви и помощи?

Задать сакраментальный вопрос бабушке не представлялось возможным. Кроме резкого ответа мы с Марьянкой не получили бы ничего.

С тех пор, как в нашей небольшой компании появилась

Яна, с «А.В.» стало разговаривать чуть легче. Ей, явно понравилась бесшабашная и бесстрашная искательница приключений, и мы стали подбивать Яну на провокационные вопросы.

– «А.В.», а почему в доме висят только ваши портреты и ваших детей и внуков? Производитель же, родоначальник всех Дашковых же имелся, – спросила непринужденно Яна, заглывая очередную ягодку в рот.

Мы напряглись в ожидании либо отповеди, в лучшем случае, в худшем – просто выбрасывания на лестничную клетку.

У «А.В.», опять, как-то по-особенному, засвистело платье. У современных женщин они и вовсе не шуршат, трутся (так как это брюки). Как я уже упоминала, «А.В.» носила нижние юбки, в зависимости от настроения этот звук имел различный оттенок. Если настроение было хорошим, они летели, за её походкой, нежно журча. При обычном состоянии платье достойно шелестело медленно и тихо. При плохом расположении духа юбки металась и шелестели, как листья осеннего сада. Сейчас так уже никто не может повторить шорох или свистящее звучание одежд. Словно утратили тайну походки. Меня снова это насторожило, сердце почему-то остановилось.

«А.В.» встала и подошла к письменному столу. Вынула оттуда очень старую и потертую фотографию.

– Вот – человек, который дал начало рода Дашковых. Я не скрываю историю наших отношений. В семье все ее знают,

но если вам любопытно, – она криво усмехнулась, то и вас посвящу.

Я была молодая красивая и начинающая блистательно свою певческую карьеру в Большом театре. Ничто меня не смущало и все поклонники, которые велись вокруг меня, считались само собой разумеющимися.

«А.В.» замолчала и задумалась, но не о том, как нам лучше подать, малопривлекательную историю, а о самом событии.

– Вы дамы уже взрослые и хорошо знаете историю. Было такое страшное время – 30-е годы, когда мели всех подряд – виноват, не виноват. У меня не хватило осторожности. Очень уж хотелось славы и признания. В это время на меня обратил внимание наш знаменитый баритон Хильчевский. Чтобы было понятно, после Лемешева и Козловского, он был первый душка, за которым гонялись поклонницы. В отличие от предыдущих двух он был в очередном разводе. На этом старом снимке плохо видно, как он был красив и импозантен. Поверьте мне на слово, от него исходил запах желанного мужчины. Пользовался он этим вовсю. Меня предостерегали, отваживали от Хильчевского. Даже партии давали в разных составах. Но, судьба сама решает, кому встретиться. Он начал за мной ухаживать. Я девушка была не из пугливых, но осторожная. Слава очередной метрессы мне была не нужна. В общем, я довела молодца до венца.

«А.В.» вспорхнула сердито юбкой и село в любимое Воль-

теровское кресло.

– Мы жили замечательно. Сейчас, поганить свою неудавшуюся любовь и лгать, мне не хочется. Но у моего горячо возлюбленного мужа был один недостаток...

Мы все напряглись и затаились в ожидании страшной тайны. Даже Сашенька, которая, я думаю, слышала повествование не раз, затаила дыхание и крепко сомкнула руки, так что костяшки побелели.

– Когда добрались до актеров, после политиков и партийцев, Игнатия тоже вызвали. Не знаю, что он им говорил или вообще онемел, но ночью его забрали.

Я сейчас не стану передавать чувства, эмоции того вечера. Главное было решение...

– Бабуль, что тут можно было решить? От тебя ничего не зависело. – Саша видимо впервые слышала такую подробную интерпретацию.

– Начальник, от которого зависела судьба моего мужа, давно за мной ухлестывал. В моих силах по крайней мере была возможность пойти к нему и попросить дать Игнаше легко умереть. Я пошла. Надо сказать, что я не боялась, что меня скрутят на улице или посадят в соседнюю камеру. Ты просто находишься в таком состоянии анабиоза, что не ищешь выхода. Ты идешь вперед, или тебя ведут кто-то, – «А.В.» посмотрела вверх. – Не стану описывать и длинную процедуру прохождения в это здание. Кстати, – оживилась «А.В.» – мы привыкли воспринимать его серым, мрачным и в решет-

ках. На самом деле оно солнечно желтое и до революции в нем находилась знаменитая гимназия господина Шпица. Я отвлеклась. В тот момент я не думала ни о беременности. Да, я носила ребенка. Ни о маме с папой. Я думала о подвиге, который я прямо сейчас совершу. Представляете, как нас воспитали – декабристки. Меня принял чин, к которому я рвалась, чтобы совершить героический поступок. Кофе, вино, сигареты – все предложено. Этикет был полностью соблюден. Он был очень хорошо воспитанный человек – дворянин, служил в белой армии. Он просто не успел удрать и сдал всех, кто успевал со своим добром сбежать от Содома и Гоморры.

Не знаю почему, но в этот момент медленного рассказа под скорбное шелестение подола платья, я чуть не упала в обморок. Мне показалось, что то, что сейчас будет произнесено, навсегда изменит мое представление о человечестве.

– Военный не предлагал мне торга – как помочь Игнатию. Решение его было принято заранее. Если я с ним пересплю прямо сейчас на удобном мягком диване, Игнат выйдет из ворот раньше, чем я поправлю юбки.

Мы посмотрели друг на друга, уверенные, что сейчас последует гордая оперная сцена с пощечиной. Мы не подумали об Игнатии в этот момент. Но его судьба не так нас занимала – по глупости, наверное.

– Я почти исполнила его просьбу, а он как «человек чести, бывший белый офицер» – мою. Игната я встретила у ворот

строения со страшной репутацией. Он сразу же мне начал рассказывать, как там страшно и что, конечно, за него хлопотал весь Большой и вот он на свободе.

Я не стала его разубеждать. Так мы прожили несколько лет, правда, у меня был выкидыш после страстных поцелуев высокого чина. Но Игнат и так не очень хотел ребенка, а тут еще такая травма. Кто его знает, какой урод родиться. Вы думаете, на этом история закончилась? Кто-то, на одном банкете со вкусом растрепал Игнату про мой кратковременный флирт.

– Ну и что, – начала быстро оправившаяся от ужаса Яна, выплевывая косточки от вишни в ладонь. Он же никуда не делся?

– Он обвинил во всем меня и сначала запил, стал мне приводить в дом молодых пассий. Я терпела, потом выставила, оставшись с маленьким ребенком, родителями, его и моими. Самое страшное не это. Он объявил на весь театр, что я подстилка и чтобы все были осторожны. Могу сдать. Я не стала поднимать бучу, но к директору сходила и сказала, что лучше меня не трогать, а то у меня сядет голос, а это гораздо важнее того, с кем я сплю.

– Задорная история сказала легкомысленная Марьяна. В результате всё кончилось хорошо? – Машка взяла яблоко и смачно его откусила.

– Ты такая наивная Марьяна, – обозлившись на подругу, сказала я.

– Я – поверхностная, а это не одно, и тоже. Это помогает мне сохраниться в прекрасной форме после всех неудач.

– Его, естественно все осудили и перестали подавать руку? – не унималась я со своим разоблачением.

– Почему же? Многие считали, что он прав. Жена, ни при каких условиях не должна изменять мужу. Хватит об этом.

– И вы его больше никогда не видели? – Яна поднялась с дивана и с интересом посмотрела на «А.В.».

– На сцене много раз. Не стоит путать игру с жизнью. И вам не советую, – «А.В.» шумно прошуршала мимо нас и прошла на кухню.

– Чай пить будем? У меня прекрасный пирог получился. Очень всем советую, – «А.В.» выглянула из кухни и застала нас в застывших позах.

– Не стоит так глубоко вникать в давно пережитые страдания. Уверяю вас, что каждый получил свое.

Что свое «А.В.» не сказала и, судя по ее выражению лица, и не собиралась нас просвещать. Мы небольшой нестройной стайкой пошли на кухню, где пахло детством, уютом и добром.

– «А.В.», я человек неделикатный и сейчас задам вопрос некорректный, – Яна гордо подняла голову, словно искала положение, из которого ее можно будет опустить. – Где Алиса? Я, наверное, последний человек в этом доме, который может задать вопрос. Я ведь её даже не видела.

– Зачем задаешь? – «А.В.» повернулась с горячим чайни-

ком, и мы испугались, что кипяток медленной струйкой полется Янке заворот и нам тоже. – Любопытно. Мне самой любопытно, какой она стала. Я не видела её, пять лет, осталось еще столько же. Проживу то я точно столько лет. Смогу оценить то, в кого она превратилась. Сумеет ли она стать той, какой ее захочет принять публика. Главное, что она должна поразить, сразить наповал.

«А.В.» разговаривала все более странно и непонятно. Мы дружно посмотрели на Саню, чье лицо осталось бесстрастным, но сильно побледнело.

– Я знаю, столько же, сколько и вы. Это проект века, задуманный бабулей должен увековечивать нашу фамилию в веках.

– Зря иронизируешь. Так и будет. Ты тоже станешь помогать, – бабуля «любовно» посмотрела на внучку.

– Ни за что. Я не желаю быть служанкой госпоже индивидуальности.

– Мы все слуги господ, у которых редкий дар. Они нас облагораживают, делают нашу жизнь возвышенной и ярче. Если ты до сих пор это не поняла, я тебя вычеркну из друзей.

Это было сказано не насмешливым старчески голосом, а эта фраза могла стать последней в отношениях внучки и бабушки.

Саня опустила голову и тихо пробормотала: «Извините, Ваше Сиятельство».

Мы расселись на старые разохшиеся венские стулья, ко-

торые цепляли все подряд, но «А.В.» считала их счастливым раритетом, и они продолжали скрипеть и тихонечко разваливаться.

– Янка ты садись лучше на диван, – посоветовала Марьяна.

– Кому лучше? Вся еда в другом конце стола. Что мне за радость?

Девчонки препирались из-за чашек, ложек, количества кусков, которая каждая из нас съела, а я подумала о том, что та полушутливая тирада про слуг и гениев была неслучайна. Возможно, произнести она собиралась ее гораздо позже. Через пять лет. Она нас тоже готовит. Потому мы все время в поле ее зрения. Она нам позволяет еще новых знакомых привечать, как Яна. Но не всех.

Мы все под колпаком у Мюллера. Я глупо себя чувствовала. Если спросить «А.В.» об этом сейчас, то может разразиться гроза, при которой лопнет даже лампочка. Говорят, у нее такая сила звука была в молодости, что лампочки в люстрах Большого разлетались на мелкие осколки. С примадонной старались не скандалить, так как в ответ она не ругалась, а брала эту ноту, засыпая осколками стекла и звука весь театр.

– Ты хочешь кофе? – Спросила меня «А.В.».

– Нет, могу и чай. Меня пирожки больше беспокоят. Остались ли ещё? – Я старалась не смотреть «А.В.» в глаза.

Тот вечер ничем не закончился, вернее веселым обжор-

ством и обещанием прийти вкусно поест в следующем месяце. У бабули должен быть День Ангела.

Когда мы расходились, «А.В.» на минуту задержала мою руку и сказала, что хотела бы меня видеть раньше, чем через месяц. Я обещала забежать в ближайшие дни.

– Удивительно, как старушка сумела сохраниться и морально и физически, – доплеывая косточки взятых со стола плодов, сказала Марьяша. У меня, прямо мурашки по коже бегали от этих откровений.

– Я думаю, что она ещё пощадила наши нежные ранимые души и выложила не всё.

– Меня интересует другое. Яна уселась на ограду, с трудом пристроившись между двумя зазубринами. Где Алиса? Я её никогда не видела. Но портретик в квартире обнаружил. Она очень похожа на бабушку. Даже не лицом, а стилем. Если вы говорите, что она ее любимая внучка, то, как же «А.В.» рискнула расстаться с ней.

Мы молчали, потому что за все пять лет, что Алиса отсутствовала, никому не пришло в голову желание спросить об этом у «А.В.».

Нет, я правильно думаю. Это было табу до определённого нашего возраста, когда нас можно собрать и раскрыть тайну.

– Саня, – накинулась на и так зажавшуюся и бледную девушку, Яна. Не может быть, чтобы ты ничего не знала. Тебя бабушка тоже не посвящала в секрет исчезновения сестры?

– Никакой тайны нет. Бабушка отправила Алису учить-

ся вокалу к своей лучшей подруге в Крым. У Алисы слабые лёгкие и там ей, несомненно, полезнее жить.

– Насколько я помню Алису, её просто так не заставишь подчиняться.

– Ее никто и не заставлял, – тихо ответила Саня. В один день я проснулась и нашла записку на столе. Уезжаю надолго. Ничего не говори «А.В.». Целую Аля.

– Ты так ничего не спросила и не сказала бабушке? – я с сомнением посмотрела на Саню.

– У нас в доме не принято выдавать чужие тайны, даже если они касаются хозяев дома.

– А бабушка не подняла, кипишь, не устроила истерику, – Марьяна соскочила с парапета и вцепилась в Сашкино лицо, обхватив щеки руками и не давая отвернуть взгляд.

– Девочки, что вы от неё хотите? – Я оторвала Марьянку от Сани и повела к дому. Вы хоть когда-нибудь смотрели, внимательно на «А.В.». Она же Галина Вишневская в роли «Пиковой дамы». Только голос у Александры Валентиновны повыше и обертона ярче.

– И что? – Вступилась за бабушку, только что еле дышащая внучка.

Она решает все вопросы у нас дома и у нее это неплохо получается.

– Особенно, в отношении тебя, – не преминула съязвить Яна. Я смотрю, ты вся «светишься» от бабулькиных придумок.

– Иногда она не понимает, что человек сам знает лучше, что ему надо, – Саня зарделась и отвернулась.

– Саша, так, где ты всё-таки учишься? – Я так понимаю, что педагогический позабыт навсегда, но в эстрадно-цирковое, ты же не поступила?

– Я хожу в одну студию пантомимы, но там учат еще степену и вокалу. За отдельные деньги. Чтобы мне их заработать я бегаю по ученикам и даю уроки французского и английского.

– Ты хочешь сказать, что «А.В.» – такая проницательная ничего не заметила? И помогать тебе не стала?

– Вы хотите, чтобы я еще раз вам сказала, что «А.В.» верит и будет вкладывать силы только в Алису. Я для нее младшая внучка с не очень большими способностями. Мне дается всё, что полагается середнячкам. – Саша пошла к своему подъезду и, повернувшись, сказала: «Ещё не вечер».

Первая из нас пришла в себя Яна:

– После таких возвышенных и тонких отношений хочется лёгкого флёра и игристого шампанского.

– И кто всё это нам предоставит? – Марьяна срочно начала приводить макияж в порядок. Далек ли путь?

– Нет, в соседнем переулке мастерская моего близкого друга и когда-то мужа Семена. Вот к нему и пойдём.

– Сколько у тебя было мужей? Ты сама-то помнишь? – Поддела подругу Марьяшка.

– Главное, чтобы они не забыли о моём ярком присутствии в их жизни.

Яна шла впереди, с трудом перехватывая огромную сумку из одной руки в другую, то вешая её на плечо. Разделить с нами ношу, она отказывалась, следуя поговорке: «Всё своё ношу с собой»

Мы подошли к двухэтажному домику, недавно отделанному с большим вкусом. Словно нам показали кусочек заграницы. Только очень маленький и в микроскоп.

– Сеньчик, это я твоя большая человеческая любовь Яна. – Но так как я не одна, то трусы всё же надень.

Из дома вышел очаровательный мужик, который, правда, доставал Яне до плеча. Они расцеловались, и большая часть сумки переключалась к Сеньчику в руки.

– Сеня – гениальный художник, но у нас его пока недооценили и ему приходится писать плакаты, лозунги и всякую лабуду.

Для того чтобы художник не сбился с пути я его подкармливаю. Эту обитель мы строили, когда один сумасшедший иностранец влюбился в меня и за то, чтобы провести вечер в ресторане со мной заплатил Сене немислимую сумму. Потом, еще купил работу и там, что самое смешное продал ее в пять раз дороже. Но иностранец оказался человеком благородным. Часть гонорара он прислал нам. Вот так появился теремок. – Когда мне очень хреново... На лице Яны появились страшные чёрные круги под глазами, а губы приняли форму человека, который всегда смеется, – я приползаю сюда. Меня всегда здесь ждут.

– Вы, девушки не слушайте эту актрису трагического темперамента. Пойдемте распаковывать принесённое. Сеня первый поднялся по крутоватой лестнице, и мы сразу оказались в океанариуме. Рыбки были повсюду, даже на потолке. Мне безумно это понравилась, стала столбом посередине пространства и наблюдала, как самые разные экземпляры передвигаются из одного сосуда в другой.

– Не знала, что ты ценитель водного мира, – Марьянка ткнула меня под локоть. – Этот без вариантов. Он влюблен в Янку, и он маленького роста.

– Ты ищешь большой рост или... – Я отвернулась от поверхностной Марьяны и почувствовала, что меня качает.

– Всем так кажется, особенно сидя после лёгкого возлияния.

– Сеньчик, я позвонила Маре и Митьке. Пусть тоже поплавают. Им идти-то недалеко.

Через пару минут в мастерскую Сенечки ввалилось человек пять. Хозяин сделал приветливо кислую мину. Судя по всему, он не ждал ни нас, ни остальных гостей.

– Друзья мои, я вам очень благодарен, что вы пришли, только я не подготовился на такое количество гостей.

– Ерунда, – пережевывая еще одно яблоко, махнула рукой Яна. У меня в сумке полно всяких запасов. Сегодня был банкет у начальства, а оно ничего не съело, вот мы и унесли, кто, сколько мог.

– Ты видимо, могла немало, – я засмеялась над Янкиной

непосредственностью, свободой делать, как хочется и когда.

– У меня из всех гостей самая объемная сумка оказалась и сил унести больше всех.

Так мы тусовались по кругу, улыбаясь натужной улыбкой, так как не знали, кому первому начать разговор.

– Вы Кира, – обратилась ко мне женщина приятной строгой наружности. Много слышала о вас и только хорошее.

– А я ничего о вас не знаю. Почему?

– Я надолго выпала из компании. У меня двое детей. Их надо было воспитывать.

Повисла неловкая пауза. Следующим должен быть вопрос о муже и о возрасте и поле детей.

– Мужа нет, – у Мары в голосе появилась предательская плаксивая нотка.

В ту же минуту подскочила Яна и, обняв Мару, закончила монолог за неё.

– Мы с Маркой из одного города и дружим с первого класса. Вместе зачем-то пошли в Судостроительный институт. Представь себе, закончили и.... Тут долгая история. Давайте лучше плясать.

Сеньчик, у тебя же потрясающая стереосистема. Просто завал. Сейчас прибегут все соседи. Выпившая слегка Яна, становилась не очень управляемой, но еще более весёлой. Она тянула в этот карнавал всех и ей удавалось.

Мара по-прежнему стояла около меня и явно хотела закончить разговор.

– Вы всех их хорошо знаете? – Спросила я Мару, чтобы поддержать разговор.

– В общем да. Только мы давно не виделись. Если бы не Янка с её неумным желанием всем помочь и всех переэкзакомить, я бы сидела дома. Давайте, я сама вам всё расскажу. Всё равно доброты найдутся.

Я вышла замуж очень молодой и по большой любви. Почти сразу родила девочку, через несколько лет мальчика. Муж у меня человек с тяжелым характером, но очень интересный и жить с ним было зажигательно. Совсем недавно он также зажигательно объявил мне, что уходит к другой. И дело вовсе не в том, что она моложе меня на десять лет, а его на пятнадцать. Просто ей предстоит родить двойню. Так бы он не ушел. Бред какой-то.

Вела я себя не очень правильно. Я цеплялась за него, пыталась вовлечь детей в разборки. Но Коля если, что решил, то все остальное не имеет значение. – Пройдёт время. Вы его забудете. Заведете нового Колю, и у вас изменится выражение глаз брошенной собаки.

– А я и есть брошенная, но не спущенная с поводка псина. Он хочет, чтобы все подчинялось ему и та семья, и эта. Правда, он нас содержит. Отказаться я от этой помощи пока не могу. Янка ищет способ вывести меня из-под Колиного контроля. Сделать самостоятельной женщиной. Так что я плетусь за ней, вяло поддерживая её энтузиазм.

– А где вы сейчас работаете? – Я была младше моих новых

товарок и присматривалась к гуманитарному виду работы.

– Янка умудрилась влезть как-то на телевидение и пытается протащить меня. Пока получается плохо.

– Разве у Яны образование соответствует телевизионным профессиям.

– Нет, – засмеялась впервые за весь вечер Мара. Её невозможно переговорить. Её убеждённость так высока, что человек, который только что был уверен в обратном, быстро соглашается. Но не потому, что хочет избавиться от Яны. Она «обаивает» всех добротой, теплотой и абсолютной независимостью.

Пока Мара продолжала петь дифирамбы подруге, я подумала о том, что такая подмога, «А.В.», просто необходима. Я пока не могла разобраться, в чем мы все должны будем участвовать, но у бабушки глаз алмаз. Она, несмотря на преклонные годы, точно знала, что нужно делать, чтобы стать неповторимой и ярчайшей звездой. Она отомстит Им за то, что они поломали её звездный путь. Нет, конечно, она была примадонна, но одной из... Должна была быть – единственной.

– Вам не интересно все, что я говорю? – Мара заискивающе посмотрела в глаза.

Как же он ее поломал, бедную. Но это восстановимо, я уверена. Мара мне показалась вовсе не слабым человеком и не грустным. Ее немного согнули, но скоро, при помощи Яны она выпрямится.

– Нет. Я, когда разводилась, мне тоже хотелось всем и каждому поведать страшную историю предательства. После прошло. Стала осторожней, и теперь я точно знаю, кто мне нужен. А смотрю я как Митя пытается не совсем корректным способом доказать Сене, что он прав. Он его просто убьет. Нужно их разнять.

– Не дай Бог. – Сказал один из невидимых мною доселе, гостей. Они в таком состоянии, что никто уже ничего из них доказать не сможет. Лучше сядем за стол и поедим и попоем. Меня зовут Олег. Я – единственный, кто знает всю компанию. Потому что я родился в том же городке, где Яна и Мара, а вырос в столице, сделав очень неплохую карьеру.

– Хвастун, – прокричала Янка. Сколько моих просьб ты не выполнил?

– Но у тебя же, просьбы сумасшедшие. Главное ты хочешь все и сразу. Давайте я вас всех запечатлею на камеру. У меня остался кусок «бетакама».

Компания очень быстро разрослась, так как половина находилась в мансарде и тихо под сурдинку пела печальные бардовские песни, видимо навеянные чудным пионерским детством у лагерных костров. У меня не было почти такого детства, поэтому, гораздо интереснее было наблюдать споры, ссоры и убеждения, собравшихся приятелей внизу.

Это была крайне разношерстная компания из языкастых творцов.

Слушать было интересно, и запоминать тоже. Я недавно

попала в театральный институт, но пока таких ярких личностей не нашла.

Пока мы рассаживались и толкались у стола, я почему-то вспомнила Александру Владиславовну. Она часто рассказывала о сабантуйчиках в их актерской среде и этот кагал, который здесь собрался, напоминал веселье тридцатилетней давности. Жаль, что Саньки с нами нет. Может и она как-нибудь расковалась.

Странно, я знаю семью Дашковых с детства, почти живу у них. Но что-то большое, странное и особенное я пропустила.

Мне пришлось отвлечься от детективных мыслей, ко мне подошел Митя и предложил потанцевать. Кто бы отказался, только взглянув на высоченного рыжего веснушчатого обаятельного мужчину. Параллельно нашим изысканным танцевальным движениям кавалер посвящал меня в интриги круга, в который я только что попала. Я хохотала, как безумная, не останавливаясь. У Мити изысканный и точный взгляд на вещи и людей. Но при этом, он их любит и с удовольствием помогает.

На какой – то момент я перестала передвигать ногами и плюхнулась на большой старый диван, похожий на уставшего медведя. Оглянув всю компанию. И долго думала на кого они все похожи в яркой и бесшабашной обстановке Сенькиных рыбок. Подумав несколько минут с закрытыми глазами, я представила себе пирушки импрессионистов и их картины. Именно, не наш тяжелый декаданс конца 19 века, где все уже

умерли, не успев родиться, а этих веселых с мушкетерскими воротниками и красным вином в руке, французов. В результате, от выпитого спиртного, сигарет, танцев, рыбок и шумной музыке у меня все перемешалось в голове. Я поспешила к выходной двери, не желая ни с кем прощаться, Поцелуи, конечно, затянулись ни на одну минуту.

Я вышла в темный дворик и стала соображать, в какую сторону мне двигаться. Пока я размышляла, вышла Янка.

– Я была уверена, что ты покинешь Сенечку позже всех.

– У меня, кроме Сенечки, – Яна потянулась руками вверх, дел по горло. У меня сейчас новый роман. Мне нужно потихому смыться.

– Давай, я с тобой, – я надеялась, что Яна прихватит меня.

– Нет, тебя я хочу попросить присмотреть за Марой. Она в плохом состоянии. Тебе, как я понимаю, она уже поведала самую грустную и несправедливую историю в мире.

– Там есть Марьянка. Почему не она? – Я удивилась Янину напору.

– Марьянки там уже давно нет. Её увел Митькин приятель и давно.

– Яна открыла дверь Сенечкиной мастерской и подтолкнула меня.

– Вы вернулись? – Здорово. Все куда-то разбрелись и не с кем поговорить. – Мара тихо подседа ко мне и не говоря ни слова, осматривала рыбок.

– Может, мы тоже пойдём? Я не люблю последствия

праздников, – я надеялась, что Мара только и ждет моего приглашения.

– А мне идти особо некуда, – она грустно посмотрела на меня. Дети у родителей на даче. И я знаю точно, как только я вернусь, мне станет звонить Коленька и выяснять отношения, которых нет.

Меня несколько стала утомлять личная жизнь Марочки, но хорошее воспитание не позволяло послать к черту.

– Пошли гулять, – придумала я. – Все лучше, чем созерцать пьяноватых мужиков, которым еще и мало.

Мы пошли в сторону Цветного бульвара, так Мара тоже жила недалеко от него – на Сретенке.

– А ты знаешь, Кира, в твоём доме, кроме Марьяшки живёт ещё одна наша подружка Люда. И по-моему, у вас соседние квартиры.

– Да, – изобразила я невероятную радость. Почему я её ни разу не видела.

– Люда из такой бомондистой семьи и общается в основном с актёрской и творческой компанией. Мы обязательно познакомим вас.

Сказать, что я была счастлива от того, что такое количество новых и странных знакомых обрушится на меня, не могу. Я в принципе, человек одинокий и чтобы выйти в люди мне надо собраться и подтянуть себя, надеть улыбку и предстать перед людской молвой.

Мы дошли с Марой до моего дома, и я стала, как можно

искреннее зазывать её к себе домой.

– Нет, – засмеялась Мара. Всего понемногу. Я и так вешу на тебе весь вечер. У нас будет ещё много случаев повстречаться. Ты Яну не знаешь? Кого она полюбила уже не отпустит.

* * *

На какой-то период я выпустила всю бесшабашную компанию из головы. Мне нужно было учиться, работать. Кроме того болела бабушка и мама одна не справлялась. Я и бегала целый день от одного дела к другому. Когда я добегала до желанной кровати, то мечтала только немного почитать и быстро заснуть. Кстати, быстро провалиться в сон мне помогал «Прометей прикованный», который необходимо было сдавать в сессию, но прочитать невозможно.

Мне повезло, я устроилась на работу в тот же театральный институт, где и училась. Все легче. Не нужно пробегать километры по Москве. У меня была дальняя мысль, что я смогу поступить в аспирантуру и после остаться на кафедре работать. Но это еще не скоро.

Я даже не знаю, почему я так подробно описываю свою жизнь и времяпровождения нашей бесшабашной компании? История ведь о семье Дашковых. Возможно, разбираясь и вспоминая шаг за шагом, наши перипетии я вспомню, когда мы все сдались или как этот правильно назвать... ввязались

в фантазмагорию.

После нескольких месяцев активной работы и учебы, мне предложили стать членом Комитета Комсомола. Сейчас, уже мало, кто поймет мою гордость и радость по этому поводу. Вот она – дорога – открыта. Я оказалась права, но в совсем ином смысле.

Создавать в творческом вузе творческую же комсомольскую жизнь дело почти бесперспективное. Каждый показ, каждый экзамен и есть творческая работа. Хочешь, вставляй слово комсомольский, не хочешь – не стоит. Мы практически все были комсомольцы или члены партии КПСС. Была установка – в каждом институте должен быть Комитет Комсомола. Подобрались мы, словно, долго ждали, чтобы познакомиться и проявить свои уникальные способности. Мужская часть поражала талантами, а женская влюблённостью в эти таланты. К счастью, драчки между девушками кто кому нужен, не случилось. Все распределились сразу. Потом, произошла лёгкая рокировка, но тоже не трагическая.

– Ты шарики умеешь надувать? – Спросил меня полный кудрявый с ироничным взглядом, молодой человек. – Мне одному не справиться. Дыхалка не выдержит. Понимаешь, жизнь тяжёлая. Тюрьма, казематы, Сибирь, маленькая пайка хлеба.

– Хватит, – я поняла, что к нашему новогоднему вечеру ничего не готово, но я ищу человека, который должен дать мне личное задание.

– Ты его уже нашла, – подтвердил Артём – главный весельчак института. Ты не представляешь, как ты меня обяжешь, если возьмёшь часть функций по выдуванию синих, именно синих шариков. Мой мозг освободиться и там зароятся невероятное количество потрясающих шуток, которыми я вас сегодня одарю. Он сделал смешное и элегантное па ногой.

– Синие почти все, – я с ужасом представила, что обаятельный парень, заставит меня дать слово, а чувство долго – самое главное мое качество.

К счастью, где-то откопали предмет, который с трудом и кряхтением, но все же, надувал шарики быстрее меня.

– Главное, чтобы он не взорвался, – закуривая и легко выдыхая дым в сторону аппарата, предупредил Артём.

– Очень «остроумно», – но самой мне было смешно. С минуты как я познакомилась с Артёмом, мне все время было трудно, но смешно. Он превращал мою жизнь в вечный карнавал. Я прожила с ним жизнь, широко открыв рот от удивления. У него так необычно, неадекватно складывалось в голове отношения к событиям, которые казались такими понятными. Но это нам – простым смертным, а он был талант. Его ироническое и сентиментальное отношение к жизни поражало окружающих. Они не всегда понимали его язвительный способ общения. Ясно было одно – он был признан художественным лидером нашего поколения.

Почему сейчас, когда я иду на встречу со следователем, мне хочется рассказывать ему ни о мёртвом теле одной из наших подруг и исчезновении другой. Если это конечно так. Похоже, что исчезли обе. Мне было бы очень приятно ему поведать о том, как мы дружили. Как две компании, Сенечкина с рыбками и нашего театрального института, постепенно слилась и перемешалась. Мир, вокруг нас вмешивался в нашу жизнь только опосредованно. Мы создали собственную башню и радовались от того, что нас, никто не пытается заставить ходить строем, с красным флагом, читать речёвки, и я надеюсь, стучать друг на друга. Такое могло быть только в бурные 90-е годы.

Мы взяли власть в свои руки и теперь свободны, делать, что угодно и как угодно. Мы считали, что нам страшно повезло. Мы были уже достаточно взрослыми, но ещё молоды и нам хватало сил начать всё сначала.

Вот такие восторженные мысли, посещали меня, в то время как я шла на встречу с милейшим Филиппом Сергеевичем.

Надо отдать ему должное, он не стал вызывать меня повесткой в прокуратуру, Я предложила встретиться в кафе на Цветном бульваре, которое вся наша компания любила. И, если кому-то нужно было срочно повстречаться, то шли ту-

да и обязательно находили кого-нибудь из друзей, которые в позах абсолютно свободных людей сидели и доказывали, что их представление о новой желанной жизни вернее и быстрее найдет отклик в стране. Так как кафе находилось напротив нашего двора, то часто громкие переговоры, шокирующие окружающих, заканчивались у нас дома. Артём обожал гостей, особенно если у него получалось то, что он задумал. Рассказчик он был неповторимый. Никто и не пытался с ним соревноваться. Он строил новый театр, и я ему в этом помогала. Путь был несладкий, но никто не обещал, что будет легко. Артём, в отличие от многих понимал, что Карл Маркс был прав: «Свобода – это осознанная необходимость».

Ответственность за других людей, которых он позвал за собой – главное его качество и дать им то, что он им обещал – второе главное качество.

Ну что я все время думаю об умершем в молодом возрасте муже, а не о сегодняшнем дне, который всей нашей компании может обойтись недешево.

Наверное, хочется, прежде чем окунуться в очередные неприятности и опасности, вспомнить лучшее. Артём дал – всё, о чём может пожелать женщина моего типа – двадцать лет взлёта. Правда, удар после всего был ужасен. Но сейчас, когда прошло уже несколько лет, тепло его большого тела потерялось, остался только восторг перед его умом и мудростью и желанию всё время обратиться к нему за советом.

Интересно, что он посоветовал бы сейчас? Больше слу-

шать, меньше говорить, а главное никаких характеристик знакомых, которые могут им испортить жизнь.

Возвращаясь к сегодняшнему дню. Когда началась фантасмагория, которая унесла прямо из банкетного зала труп прекрасной женщины. Но это был уже скорее финал истории.

Придется вернуться к бесшабашным молодым годам.

* * *

– Я вас уже жду, – раздалось за моей спиной. Я вздрогнула и быстро повернулась, оказавшись носом к носу со следователем. – Я опоздала что ли? Извините.

– Нет. Мне хотелось осмотреть место, где процветала ваша молодость. Я зашел во двор, где вы все жили. Понюхать атмосферу.

Мне понравилось. Старый двор, много деревьев, а из подъездов выпрыгивают молодые наглые весёлые и уверенные в правоте и успехе. Не так?

– Приблизительно так. – А почему у вас вызывает это насмешку? – Вы хотите сказать, что наша безответственность в результате привела к страшным преступлениям?

– Что вы? Я в те годы тоже упивался, Мне казалось, что свежий ветер свистит внутри сердца. Позже, несколько сник. Вам это вряд ли интересно? – Давайте вернёмся к исчезнувшему трупку. Я так понимаю, что пропала не только звезда?

– Вы уже беседовали с кем-нибудь из семьи Дашковой? – Я оттягивала время как могла.

– Как вы думаете? Только там разговаривать не с кем. Разве вы не в курсе. Бабушка недавно умерла. Мать давно уехала на Запад, а папа ни в курсе даже, что у него две дочери, а не одна. Вас это не удивляет? Да и фотографии в доме только Звезды. А где же её тень?

– Я даже не знаю, что вам рассказывать, – я терялась от того, что не знала, что говорили остальные.

– Ваша подруга Марьяна заявила, что она занята своей личной жизни и что кроме как на работе со Звездой нигде не встречалась. – Филипп Сергеевич изучающе посмотрел на меня. Как же так? Вы же все дружили с молодости.

– Дружба – понятие не вечное, – огрызнулась я. Прошли годы, люди изменились, вкусы, отношение к жизни.....

– По-моему, вы пытаетесь уйти от ответа или что-то скрываете, что тоже наказуемо. Советую вам подумать.

Следователь повернулся спиной и, стуча пальцами по пустым столикам кафе, вышел, аккуратно прикрыв дверь.

Интересно, какой он, когда открыто, проявляет эмоции. Они в прокуратуре применяют силу физического воздействия – вспомнила слова из криминальной телевизионной передачи.

Да, черт с ним. Сегодня вечером прилетает Тим, и я ему все расскажу. Он человек вдумчивый, молчаливый, как почти все художники, а главное, способен выдержать мой ре-

чевой натиск и артикуляционное мышление. Одно плохо. Я не могу ему пересказать ту часть жизни, когда мы были молоды и беззаботны и он тоже, но где-то в другом месте.

Вечером я приготовила торжественный ужин и села за телефон. Мне так не хотелось включать ни одно из технических и звуковых предметов, что я даже выключила радио, которое шипит потихонечку в туалете всегда. Тим любит слушать новости и любую полезную информацию везде, в том числе и там.

– Марьяшка, – радовалась я, что сразу нашла с кем можно обсудить груз ответственности, ты никуда не спешишь? Спросила я и была уже не рада невинному вопросу.

– Я дома и надолго. Навсегда. Не хочу об этом говорить. Ты мне только объясни Кира, почему они разбегаются от меня, как зайцы по полям?

– Маша, мы уже много раз с тобой говорили, что твои зайцы и кролики не любят ответственности, которой ты их сразу нагружаешь.

– А ты? – Злилась бестолково подруга. Они вообще сидят на троне, и только знаки подают – «Дай это, дай то».

– Манечка. – Пыталась я утихомирить подружку нежными прозвищами, ты говоришь абсолютную чушь. Причём здесь мои мужья и твои поклонники. Какие твои годы, найдёшь.

Это была почти вечная преамбула, начиная со школы, которой мы начинали любой разговор. Дальше можно было уже вести нормальную беседу. – Марьян, тебя в прокуратуру вы-

зывали?

– Да. Но я еще не ходила. Мне повезло. У меня была записка. Я сказала, что приду завтра. А что не надо ходить? – Марьяна испугалась мгновенно и я даже хорошо представляла себе, как она закрывает голову подушкой и отставляет трубку телефона.

– Я думаю о том, насколько глубоко они будут копать? Нам же есть, что им рассказать еще. А не хочется. Может обернуться так, что мы окажемся крайними и на нас всё легко свалить, а дело закрыть.

Когда подступала настоящая опасность, Марьяна переставала играть роль девочки – гимназистки и становилась здоровым жестким человеком.

– Мы с тобой вдвоем не решим этот вопрос и не вспомним весь порядок действий. Нужно звонить Яне и Маре. Они не хуже нас в курсе, а версия у нас должна быть одна. Я не правильно выразилась. Версия, это если мы врем. Мы хотим рассказать подробно, как всё происходило на протяжении десяти лет. Но люди выражают свои мысли по-разному. Можно человека сбить легко с толку. Поэтому мы должны выучить свою правду как «Отче наш».

Мы распрощались. Каждая из нас должна была добратсья до Яны и Мары, что не просто при их занятости, вернее занятости их мобильных телефонов. В крайнем случае, увидимся все завтра в Останкино.

Тим, приехал родной и тёплый. Он ездил писать и немно-

го приводить в порядок дачу. Я всегда говорила ему, что, маленький участок нашей дачи он рассматривает как угодыя дворянин помещик и страшно гордиться ими. Он всегда смеётся и как-то сказал, что угодий не осталось, лишь нарисованное братом отца генеалогическое древо их семьи, но теперь это не имеет значение. Показывая работы, а их оказалось довольно много, от одних он морщился и сразу кидал в угол комнаты, другие шутливо прижимал к груди. Ему редко удавалось теперь всё бросить и поехать писать куда хочется. Времена изменились, и он работал в шоу-бизнесе художником-технологом, иногда постановщиков в различных эстрадных шоу и на корпоративных вечеринках, которых, по-моему, появилось больше, чем организаций, которые все время что-то празднуют.

Тим как-то рассказывал, что пришел такой очень лощеный и вполне интеллигентный клиент, который через губу, несколько снисходительно пытался объяснить режиссёру-постановщику и Тиму, что он уже побывал на многих такого рода зрелищах, и ему вся эта попса и перепитые морды отвратительны. Хочется, что-нибудь изысканного и тематического. Ребята тут же стали предлагать на выбор прекрасные сценарии и оформление. Человек в бриллиантовых запонках был в восторге. Дал задаток и ушёл. Прошло недели две появляется его заместитель, передает листок с замечаниями от шефа. Оба художника от шоу-бизнеса чуть со стульев не упали. Он вычеркнул весь изыск вообще, а то, что ему

казалось, эталоном эстрады усилил. Ребята умные спорить не стали. На самом вечере «ошпаренный» заместитель, бегал всё время к постановщикам в комнату и требовал громче и проще. Сам хозяин держался минут тридцать молодцом. Вечер закончил на красной ковровой дорожке лицом вниз среди использованных салфеток, еды и питья. Уходить не хотел, пока он не сообразил, где он и что он генеральный директор, – все работники плюс заместитель ждали «Его Сиятельства». Жена-то уехала сразу. Как она сказала: «– Этот изыск, я вижу не первый раз. А вы наслаждайтесь».

Не хотелось портить друг другу настроения, поэтому я не стала рассказывать про пропавшую Звезду, а Тим – про то, что завтра снова в бой рука об руку с людьми с бриллиантами на запонках, пальцах и везде где можно. Должен кто-нибудь когда-то воспитать в них изысканный вкус или хотя бы называть, что это такое.

* * *

Ночью, лежа без сна, я стала вспоминать, когда всё стало меняться.

Да мне не нужно было напрягаться – это было в день моего рождения – 30 сентября. Я утром высунулась в окно, радуясь, что светит солнце, а ветерок теребит синее, слегка облачное небо.

– С днем рожденья! – Заорала Марьянка, выйдя на бал-

кон.

– Спасибо. Чего кричишь? Сейчас весь двор взбудоражишь. – Я погрозила подруге рукой. Она убралась с балкона, но тут же, позвонила по телефону.

– Ну, началось, ворчал Артём, который уже давно встал, что было принципиально против его правил. Единственный день в году он отступал от своих твердых принципов – День моего рождения. Обязательный огромный букет из разных потрясающих цветов стоял и упоительно распространял запах перед моей постелью.

Это была такая игра. Смешная, детская и чудесная. Тёма, проклиная всё на свете, вылезал в 7: 00 утра. Полусонный и полуодетый мой любимый муж ехал на рынок. Нет, это уже когда появилась машина, он с понтом ездил на Центральный рынок, который находился ровно напротив нашего дома. А первые годы – ходил. С него всегда брали дороже. У него был вид очень благополучного богатого человека. А он принципиально никогда не торговался и брал самый дорогой. Мне ужасно это нравилось. Ворчал он тоже смешно, как большой медведь, которого покормили вкусно и он от удовольствия брюзжит.

– Тёма, один день можно потерпеть. Я же дежурю у телефона каждый день, оберегая твой сон. А тебе даже не нужно отвечать на звонки, я сама справлюсь, – дотянувшись до его сморщенного носа, я побежала обсуждать вечеринку с Марьянкой.

Так получилось, что разговаривая, мы обе стояли около балконных дверей, вдыхая свежий воздух, выпуская дым сигарет и перебирая кости гостей и пищи, которые предстанут вечером. Внезапно мы обе замолкли.

– Кира, кто это идет по двору? – Марьяна прошептала, словно боясь, что тот, кто шел по двору услышит нас.

– Если я не ошибаюсь... Алиса? Или я сошла с ума. Похожа. Только что-то в ней сильно изменилось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.